

ВОРЬБО ОБРЪТЕШТЬ
ПРАВОСВОЕ

ДОЛЖИ
МОНАРХІЮ
ЗАГАБСТУЄВ
РЕСПУБЛІКА

ИУСТИН ЖУК:
ЧЕЛОВЕК
ПОЛИТИК
РЕВОЛЮЦИОНЕР

МОРШАНСКАЯ М.

“САМООПРЕДЕЛЕНИЕ”

Жук И. П.

Иустин Жук: человек, политик, революционер

Моршанская М.

ИЗДАТЕЛЬСКАЯ ГРУППА «САМООПРЕДЕЛЕНИЕ»
Э-КНИГА
МОСКВА, САНКТ-ПЕТЕРБУРГ
2018

УДК 929
ББК 63.3(2)53

Текст приводится по изданию:
Моршанская М. Иустин Жук, Издательство «Прибой», Л., 1927

В соответствие с авторским правом и законодательством РФ, данный текст является общественным достоянием и может свободно распространяться с указанием его автора.

Подготовка текста, обложка: издательская группа «Самоопределение»
samoopredelenie@riseup.net

Предисловие: доктор исторических наук Леонтьев Я.В.

<https://www.samoopredelenie.info>

Моршанская М. Иустин Жук: человек, политик, революционер. - Самоопределение, предисловие д.и.н. Леонтьев Я.В., М.-СПб, 2018. - 56 стр.

Жук Иустин Петрович (1887—1919) - революционер, один из основателей Южной Федерации Анархистов-Коммунистов. Один из лидеров революционно настроенной крестьянской молодежи Черкасского уезда Киевской губернии. В 1909 году был осужден за «экс» на смертную казнь, замененную на пожизненное заключение. Большую часть срока отбывал в Шлиссельбургской крепости, откуда в 1917 году освобожден восставшим народом. После освобождения - лидер рабочих шлиссельбургского химзавода, участник обороны Петрограда при наступлении генерала Юденича Н.Н. Погиб в бою с белоингерманландцами в 1919 году.

Фото на титуле взято из книги
Моршанская М. Иустин Жук, Издательство «Прибой», Л., 1927, на нем Иустин Жук в начале весны 1917 года после освобождения из заключения.

Анархист, награжденный орденом Красного Знамени

Как известно, в истории все должно повторяться. В начале XX века в революционное движение одновременно пришли два Жука. Один из них – герой данной книги. Другой – Иосиф Иванович Жуковский-Жук по кличке «Овод» был известным эсером-максималистом, ранившим кинжалом царского прокурора. Иустин Жук отбывал каторгу в Шлиссельбургской крепости, Иосиф Жук на Акатуйской каторге. Их пути-дороги никогда не встретились, хотя при другом раскладе революции запросто могли.

Принадлежавший по возрасту, сословию и национальности к одной социальной группе и генерации с Махно, Иустин Петрович Жук был родом из крестьян села Городище Черкасского уезда Киевской губернии. В юности он учился в сельскохозяйственном училище в родном селе, но курса не окончил. Во время Революции 1905-07 гг. Жук примкнул к анархистам-коммунистам. В это время он работал сахароваром на Мариинпольском сахарном заводе в своем селе. В 1906 г. вместе с братом Иоакимом (в просторечье их библейские имена звучали очень просто: Устин и Аким) он организовал анархистскую группу молодежи, во главе которой, наподобие двум своим ровесникам и географическим соседям – Нестору Махно с Екатеринославщиной и Марусе Никифоровой с Черниговщиной, – совершал мелкие экспроприации в районе: Городище-Смела-Смелянка.

Внешне Иустин Жук был полной противоположностью низкорослому и тщедушному на вид Махно. Жук, напротив, был, как вспоминали очевидцы, «человек богатырского сложения, великан».

К числу приятелей Иустина Жука принадлежал тогда будущий лидер Компартии (большевиков) Украины, известный левый коммунист и глава советского «правительства в изгнании» (после прихода в Украину австро-германских войск) Юрий Пятаков, в юности убежденный анархо-коммунист. Он был сыном директора соседнего сахарного завода и учился в реальном училище в Киеве. Вот что вспоминал об этом периоде впоследствии сам Пятаков: «За руководство «училищной революцией» исключен из училища. <...> Летом 1906 г. вел активную анархистскую работу среди крестьянской и рабочей молодежи; был руководителем кружка в 50 человек. Из этого кружка и соседнего, руководившегося Иустином Жуком, выделилась экспроприаторская группа во главе с Жуком. После экспроприации кружки распались. В 1906-1907 гг. снова поступил в то же реальное училище, но снова был исключен за «дерзкий спор» с училищным попом. В 1907 г. экстерном кончил реальное училище. Летом 1907 г. анархистский кружок

распался. В Киеве осенью вошел в совершенно автономную террористическую группу в целях убийства киевского генерал-губернатора Сухомлинова. Однако в это время начинается тяжелый внутренний кризис. Анархистская практика отталкивала. Анархистская идеология (я принадлежал к анархистам-коммунистам кропоткинского толка) не удовлетворяла <...>.

Руководимая тов. Владимиром (революционная кличка Жука) Черкасская группа анархистов-коммунистов вошла в состав Южнорусской Федерации анархистов-коммунистов. В книге М. Моршанской мы встретим разные наименования: «Южно-русская федерация крестьян анархистов-синдикалистов», «Южно-российская федерация группы анархистов-коммунистов»... Как это понимать? Скорее всего, в документах, которыми она пользовалась, могли встречаться разночтения. А на деле это означало, что название просто еще окончательно не устоялось. Но соратник Жука Юрий Пятаков четко указывал: «...я принадлежал к анархистам-коммунистам кропоткинского толка».

Как и у Махно с Марусей, и десятков других революционных Робин Гудов, деятельность Черкасской группы оказалась не только бурной, но и очень короткой. Специфической особенностью этой группы были частые стычки с «ингушами» (этим словом тогда обозначались также и чеченцы). Самодержавие и капитал на заре XX века не редко привлекали наемников-джигитов для преследования революционных рабочих и крестьян, охраны государственных объектов и частной собственности. Использовались они и в роли телохранителей. Уместно вспомнить раннюю повесть Аркадия Гайдара «Жизнь ни во что (Лбовщина)» - о том, как «ингуши» воевали в это же время в уральских горах с партизанами знаменитого Лбова.

Они были опасными и мстительными противниками. В книге М. Моршанской есть эпизод, как во время одной из перестрелок отрядом Жука были убиты охранявшие завод трое ингушей и один сильно ранен. Благодаря строгой и выдержанной конспирации отряду тов. Владимира умело удавалось ускользнуть от преследователей. Но нашелся изменник из числа примкнувших к анархистам бывших правых. Преподатель Фоменко по прозвищу «Филька», житель села Ковалевка, который сначала был черносотенцем и в 1905 г. усердно громил и грабил еврейские лавки, выдал участников Черкасской группы полиции. В 1907 г. 20-летний Жук был арестован после очередного «экса» на сахарном заводе. При аресте вместе с братом он оказал вооруженное сопротивление.

В 1908 г. Киевским окружным судом Иустин Жук был приговорен к смертной казни, замененной бессрочной каторгой. Наказание отбывал сначала в Лукьянинской тюрьме в Киеве, действующей в качестве СИЗО до сих пор, затем в Смоленской каторжной тюрьме, а в 1909 г. за

подготовку к побегу был переведен в Шлиссельбургскую крепость. В исторической литературе его называют шлиссельбуржцем «второго призыва». Крепость-тюрьма Шлиссельбург находилась на Ореховом острове в истоке реки Невы (ее древнерусское название звучало по названию острова – Орешек), напротив бывшего шведского города. Первыми знаменитыми узниками крепости стали сестра Петра I Мария Алексеевна и его первая жена Евдокия Лопухина. Сестру Петр заточил за дружбу с женой... Среди других знаменитых узников Шлиссельбурга был убитый охраной при попытке освобождения, брошенный в застенки маленьким ребенком, император Иван VI и глава московских масонов, знаменитый просветитель Н.И. Новиков.

В 1798 г. по проекту архитектора Патона был построен «Секретный дом», узниками которого в 1826 г. стали многие декабристы (среди них лицейские друзья Пушкина - Иван Пущин, Вильгельм Кюхельбекер, и, принадлежавшие к руководству Северного тайного общества, братья Бестужевы – все они отличились во время восстания на Сенатской площади). Но под «первым призывом» имеются в виду все же не они и не остальные «секретные» политические узники царствования Николая I, включая одного из самых секретных – выданного австрийским правительством Михаила Бакунина.

Под «первым призывом» шлиссельбуржцев времен революционного подъема понимаются революционеры-народники. Среди многолетних узников Шлиссельбурга были такие легендарные народовольцы, как Вера Фигнер, Николай Морозов, лидер Военной организации «Народной Воли» Михаил Ашенбреннер, соратники Александра Ульянова по организации «террористическая фракция «Народной Воли» » Михаил Новорусский и Иван Лукашевич, будущий директор Музея Кропоткина, народоволец из Киева Михаил Шебалин и другие.

В 1887 г. в Шлиссельбургской крепости были казнены Александр Ульянов и четверо его соратников, готовившие покушение на Александра III. В 1902 г. здесь был повешен застреливший министра внутренних дел Сипягина, член первого состава Боевой организации ПСР Степан Балмашев. А к старым арестантам присоединили осужденных на вечную каторгу эсеров - руководителя БО ПСР Григория Гершуни и Петра Карповича, застрелившего гонителя революционного студенчества министра народного просвещения Боголепова.

Стариков-народовольцев освободила из Шлиссельбурга Первая русская революция, Карповича и Гершуни – перевели на каторгу в Забайкалье. А крепость распахнула двери для «второго призыва», состоявшего как раз из участников революции. Среди тех, с кем пришлось разделить узилище Иустину Жуку, были такие революционеры, как будущий сталинский нарком тяжелой промышленности Григорий Оржоникидзе

(тов. Серго), застрелившийся в 1937 г.; революционный офицер-большевик, руководивший восстанием солдат в Киеве Борис Жадановский, возглавивший в 1918 г. отряд из большевиков, левых эсеров и анархистов в Крыму и погибший от рук татарских националистов; техник Боевой организации эсеров-максималистов Владимир Лихтенштадт (он же Федор Мазин), захваченный в плен белогвардейцами под Петроградом и расстрелянный как комиссар дивизии осенью 1919 г. В общей сложности во времена «второго призыва» в Шлиссельбурге сидели 36 анархистов, 39 эсеров, 15 эсдеков, 8 максималистов и 1 анархист-махаевец.

Вот, например, лишь две малоизвестные биографии эсеров-максималистов, соратников легендарного Михаила «Медведя» Соколова в 1906 г. и столь же легендарной Ирины Каходской - 1919 г. Первый си-делец Шлиссельбурга, с которым отбывал срок Иустин Жук — Моисей Давидович Закгейм, второй — Станислав Андреевич Таукин.

Моисей Давидович Закгейм (1886-1938) был родом из местечка Ружаны Гродненской губернии, по профессии ткач. В 1903 г. первоначально вступил в организацию Бунда в Белостоке, в 1904 г. перешел в ПСР, состоял членом боевой дружины. В 1905 г. участвовал в нескольких терактах: стрелял в околоточного надзирателя, ранил бомбой полицмейстера Пеленкина; являлся одним из главных организаторов покушения на пристава Самсонова, виновника погрома в Белостоке в августе 1905 г. В 1906 г. перешел к максималистам в составе отколовшейся от ПСР группы. После переезда в Петербург вошел в Боевую организацию максималистов (БОМ). Был арестован в засаде, но не опознан; выслан как еврей за проживание по чужому паспорту на родину, но с этапа бежал. Принимал участие в знаменитом «эксе» Петербургской таможни в Фонарном переулке 14 октября 1906 г. В ноябре вторично арестован в Одессе на вокзале, немедленно перевезен в Петропавловскую крепость. Обвинялся в принадлежности к БОМ и участии в убийстве жандармского полковника Грибоедова. В 1908 г. Петербургским военно-окружным судом на процессе 44-х максималистов приговорен к 15 годам каторги. В 1909 г. повторно осужден Виленской судебной палатой за покушение на Белостокского полицмейстера к 8 годам каторжных работ. В основном отбывал срок в Шлиссельбургской крепости. После освобождения женился на подруге М.А. Спиридоновой и И.К. Каходской по Нерчинской каторге, максималистке Н.А. Терентьевой, участнице покушения на Столыпина в августе 1906 г. Вместе с Надеждой Терентьевой Закгейм ринулся в Киев осенью 1918 г. с целью освобождения Каходской из Лукьянинской тюрьмы. В 1919 г. вошел в организованной ею новую Боевую организацию для подготовки покушения на генерала Деникина. Впоследствии состоял в Московском отделении Общества бывших полит-

каторжан и ссыльнопоселенцев, работал упаковщиком артели «Технохимик». Расстрелян по приговору Военной коллегии Верховного Суда СССР.

Станислав Андреевич Таукин (1888-1938) происходил из семьи польского крестьянина, был уроженцем деревни Волковщина Виленской губернии. По окончании 6 классов реального училища в Петербурге примкнул к Союзу эсеров-максималистов, и в качестве члена Боевой организации максималистов принимал участие в уже упомянутом «эксе» Петербургской таможни в Фонарном переулке 14 октября 1906 г. Был арестован за «разбойное ограбление» 22 августа 1908 г. артельщика стекольного завода Франка. В 1910 г. приговорен Военно-окружным судом к смертной казни, но подал прошение о «даровании» жизни, после чего командующий войсками округа заменил казнь бессрочной каторгой. Находясь в заключении в Шлиссельбурге, участвовал во всех протестах, включая 14 суток голодовки, за что многоократно сидел в карцере. В течение семи лет содержался в ручных и ножных кандалах. После освобождения немедленно включился в революционную работу: принимал участие в организации Красной гвардии из рабочих Выборгской стороны в дни корниловщины, был командирован Петросоветом в качестве эмиссара «для информации об Октябрьской Революции среди фронтовиков и крестьянства» Ковенской и Виленской губерний. В декабре 1918 г. выехал на подпольно-боевую работу на Украину. Весной 1919 г. по рекомендации левых эсеров назначен комиссаром Лысогорского пироксилинового склада в Киеве. Снабжал взрывчатыми веществами боевую группу Каходской. С конца 1919 г. вел работу в белом тылу по заданию Разведотдела Юго-Западного фронта. Одновременно был введен максималистами в состав Центрального бюро Союза. В июле 1925 г. вошел в состав Информбюро «Объединения ПЛСР и ССРМ». Состоял в Московском отделении Общества бывших политкаторжан и ссыльнопоселенцев, впоследствии работал контролером-браковщиком артели политкаторжан «Цветмет». Расстрелян по приговору Тройки при УНКВД по Московской области.

С такими вот людьми довелось сидеть, вместе бороться с тюремной машиной и отстаивать права заключенных Иустину Жуку.

А в феврале 1917 г. его и других узников освободили из заключения рабочие Шлиссельбургского порохового завода. Вот как об этом, со слов Лихтенштадта-Мазина, вспоминал его друг, известный революционер Виктор Серж: «Однажды мартовским утром 1917 года шлиссельбургские каторжане, собранные вооруженными охранниками на тюремном дворе, услышали крики разъяренной толпы, доносившиеся из-за тюремных стен, и решили, что им суждено умереть; но толпа, на самом деле опьяненная радостью, высадила ворота; во главе ее были кузнецы с инструментами, чтобы разбить цепи. Каторжникам пришлось защищать своих охранни-

ков. В день своего выхода из тюрьмы Лихтенштадт принял на себя, вместе с анархистом Иустином Жуком управление городом Шлиссельбургом».

В отличие от разъехавшихся по домам товарищей, Иустин Жук решил остаться на месте, поступив на Шлиссельбургский завод подручным слесаря. Вскоре он стал главным организатором Красной гвардии в Шлиссельбурге, а потом неожиданно для самого себя оказался избран рабочими первым «красным директором», встав во главе коллегии по управлению заводом. Он не позволил администрации закрыть завод и для обеспечения больных рабочих, имевших дело с отправляющими веществами, молоком – провел реквизицию большого молочного предприятия, принадлежавшего барону Медему, и имений барона. Поднявшись в прессе шум об анархии в Шлиссельбурге привел сюда представителей прокуратуры и Петросовета (меньшевика Н.С. Чхеидзе), но Жуку, опираясь на мнение рабочих, удалось отстоять свою правоту.

В период с 30 мая по 3 июня 1917 г. он в качестве делегата от Исполкома рабочих и солдатских депутатов Шлиссельбургского района участвовал в работе Первой конференции фабрично-заводских комитетов Петрограда. Выступая с докладом при обсуждении вопроса о контроле над производством и распределением продуктов, он выдвинул ряд предложений и проект резолюции. Жук высказывался в поддержку написанной Лениным для конференции «Резолюции об экономических мерах борьбы с разрухой», в которой в качестве программной идеи была выдвинута инициатива установления рабочего контроля на производстве. Против рабочего контроля выступали лидеры меньшевиков, но их доводы были отвергнуты, и за основу делегаты проголосовали за резолюцию, предложенную большевиком Г.Е. Зиновьевым. Жук был избран в комиссию по рассмотрению проекта Зиновьева, и в итоге значительная часть его предложений вошла в окончательный текст резолюции.

Второе выступление Жука касалось проблем безработицы и плохой организации бирж труда, а также детского труда на производстве. В дни работы конференции, если не раньше, произошло его знакомство с лидерами Петроградской федерации анархистов-коммунистов Константином Акашевым и Иосифом Блейхманом-Солнцевым, которые тоже выступили на ней. Вообще, в это время Шлиссельбург становится одним из ведущих рабочих оплотов эсеров-максималистов и анархо-синдикалистов, во многом, благодаря неутомимой энергии Жука. Упрочились и его связи с питерскими анархистами. В книге М. Моршанской, правда вскользь, упомянут эпизод, как Жук связался с анархистским книжным складом в Петрограде, и, насколько у него потом хватало времени, занимался его развитием. Также мимолетно упомянуто о его участии в истории с дачей бывшего министра внутренних

дел Дурново, которую весной 1917 г. несанкционированно заняла под свои нужды Петроградская федерация анархистов-коммунистов. Как известно, по приказу Временного правительства казакам пришлось атаковать дачу, а находившиеся на ней анархисты оказали вооруженное сопротивление. Следовательно, Иустин Жук должен был быть знаком и с организатором обороны Анатолием Железняковым, посаженным за брошенные в казаков бомбы в тюрьму «Кресты», и с, активно занимавшегося тогда фабзавкомами Всеиволодом Волиным, будущим идеологом махновского движения.

На Четвертой конференции фабзавкомов Петрограда и окрестностей 10 октября Иустин Жук был избран в президиум конференции. В прениях по докладу о рабочем контроле над производством он высказался с прямотой и резкостью: «Никаких мирных соглашений во время революции быть не может. Перед нами целый ряд фактов закрытия заводов и фабрик в Петрограде и провинции. <...> Есть один выход для борьбы с остановкой и сокращением производства: это вмешательство самих рабочих. Но вопрос производства тесно связан с распределением и затрагивает интересы всего класса капиталистов. Мы переживаем социальную революцию. План наших работ представляется так: образуется контрольная комиссия из рабочих различных профессий, без всякого представительства буржуазии. Результаты работ этих комиссий сводятся по районам и областям. Федерация их явится высшим экономическим органом в стране. Капиталист окажется тогда совершенно излишним придатком. Фабрики, заводы и земля должны перейти в руки трудящихся <...>».

Спустя неделю Жук принял столь же активное участие в Первой Всероссийской конференции фабзавкомов, проходившей с 17 по 22 октября. Она собрала 137 делегатов, 86 из которых принадлежало к большевикам, 22 – к эсерам (с преобладанием левых с.-р.), 11 – к анархо-синдикалистам, 8 – к меньшевикам, 6 – к эсерам-максималистам и четверо было беспартийными. Именно Жука товарищи по анархо-синдикалистской фракции уполномочили составить резолюцию.

Непосредственно во время Октябрьской революции он вместе с председателем Шлиссельбургского Совета рабочих депутатов Николаем Чекаловым командовал отрядом красногвардейцев численностью в 200 человек, участвовавших во взятии Зимнего дворца и разоружении юнкеров. Возможно, причиной нормальных, деловых взаимоотношений Жука с большевиками были личные особенности 20-летнего председателя Совдепа Чекалова, учившегося до войны на учителя в Гатчинской семинарии, оказавшегося под его влиянием. После прихода большевиков к власти Жук выступал за «единый революционный фронт» с ними.

На Пятой конференции фабзавкомов Петрограда и окрестно-

стей 15-16 ноября Иустин Жук и другой популярный в Питере анархо-синдикалист Владимир Шатов были избраны в Центральный исполнком фабзавкомов из 27 человек. Это стало признанием высокого авторитета Жука в глазах всех питерских рабочих.

В 1918 г. он активно участвовал в утверждении власти Советов в Шлиссельбургском уезде, согласившись занять пост уездного комиссара по продовольствию. Под его руководством рабочими Шлиссельбургских пороховых заводов был осуществлен организованный захват имения Щеглово в Рябовской волости. Здесь при участии Жука был организован совхоз, ставший для рабочих важным подсобным хозяйством.

Но длительная мирная работа была не по его нутру. И вот уже в июне он во главе небольшого отряда из шести шлиссельбургских рабочих выехал в Курск. Путь семерых смельчаков лежал на занятую немцами Украину. Для того, чтобы незаметно перейти границу в Курской губернии Жук и его товарищи разбились на пары. В связке с ним оказался А.К. Морозов, поделившийся потом воспоминаниями с автором книги М. Моршанской.

Так, после 11 лет отсутствия, Иустин Жук оказался в родных местах на Киевщине. Все лето и начало осени он провел на Украине, занимаясь организацией крестьянских повстанческих отрядов и боевой работой, организовав, например, взрыв гарнизонного штаба в Харькове. Как видим, и эта страница его биографии совпадает с Нестором Махно, который вернулся в родные края из Москвы с целью организации партизанского отряда в июле 1918 г. Но на этом сходство между ними и заканчивается, поскольку после начала революции в Германии и отвода немецких войск с Украины, в отличие от Махно, Жук предпочел вернуться в Шлиссельбург, ставший его второй родиной. Предположу, что, отправляясь на Украину, он мог дать обещание все-цело доверявшим ему рабочим съездить в «отпуск» и возвратиться к ним.

По приезде на завод Жук сразу же принялся за необычное дело, взявшись за разработку проекта выработки искусственного сахара из древесных опилок. Он ликовал, когда первые опыты прошли успешно. Впоследствии этими опытами заинтересовались в Кремле, и Ленин предлагал всячески использовать эксперименты Жука.

В личную жизнь тоже пришло недолгое счастье: Жук женился на работнице Шлиссельбургского завода, и у них должен был появиться ребенок. Но личное счастье оказалось слишком коротким. На Петроград со всех сторон надвинулась военная опасность. Пришлось отправить жену с родившейся дочерью в Курск, а самому заняться военными делами. В течение 4-5 месяцев Жук находился в Озерках — Шувалове, являясь с августа 1919 г. членом Военного Совета Карельского сектора фронта. Осенью, когда на красный Питер со стороны юго-запада наступали части

генерала Юденича, — на северо-западном направлении одновременно активизировались военизированные подразделения самопровозглашенной республики Северная Ингрия. Против белоингерманландских сепаратистов был выдвинут рабочий батальон из Шлиссельбурга. Ранним утром 17 октября участники похода погрузились в родном городе на пассажирский пароход, и прибыли в Питер, временно разместившись в актовом зале Смольного института. Вечером с напутственным словом к ним обратился Троцкий, а следом взял слово Жук, назначенный комиссаром 55-й стрелковой дивизии. Выдвинувшись затем на линию Керо — Лемболово, Жук собрал в штабном вагоне совещание всех командиров имевшихся в наличии отрядов для выработки дальнейшего оперативного плана. В это время отряд Северо-Ингерманландского полка под командованием майора Юрьё Эльфенгрена, председателя Госсовета Ингрии, проводил боевые операции, пытаясь расширить свою территорию за счет Кавголова и Токсова. Сутра 25 октября 1919 г. закипел жаркий бой на Куйвозовских высотах. Во главе группы красноармейцев Жук лично ходил в разведку, нащупавшую места расположения противника и установившую, что силы красных находятся в полукольце окружения.

Во время начавшейся на станции Грузино паники вследствие интенсивного обстрела прибывшего эшелона Жук с обнаженным маузером попытался остановить начавшееся отступление. Он распорядился подготовить бронелетучку, на которой собирался попытаться переломить ситуацию и самому перейти в наступление. В этот момент он и был сражен вражеской пулей. Однако от данный им приказ был выполнен, и бронелетучка сумела отразить атаку ингерманландцев. Жука похоронили в братской могиле в поселке имени Морозова при Шлиссельбургском пороховом заводе, названном так в честь революционера-народовольца, сидевшего в крепости. Приказом Реввоенсовета Республики от 16 марта 1920 г. Иустин Петрович Жук был посмертно награжден орденом Красного Знамени № 554.

Тогда же в октябре 1919 г., на другом участке фронта, против войск Юденича, под деревней Новоселье погиб его соратник Николай Чекалов, командовавший рабочим батальоном. А в Курске была похоронена умершая в младенчестве дочь Жука.

Напоследок осталось сказать несколько слов об авторе книги. Помимо работы о Жуке, Мария Матвеевна Моршанская была автором еще ряда историко-революционных, биографических очерков. В Ленинграде и Москве из-под ее пера вышли такие работы, как: «Ткач Федор Афанасьевич: Историко-биографический очерк»(М., 1924) - о руководителе иваново-вознесенских большевиков Ф.А. Афанасьеве по кличке «Отец», убитом черносотенцами в 1905 году; «В.К. Курнатовский» (Л., 1926) о народовольце, а затем

одном из первых русских марксистов, первом редакторе газеты «Забайкальский рабочий», входившем в число руководителей «Читинской Республики» в декабре 1905 года; «Вера Слуцкая: Очерк ее жизни и деятельности» (Л., 1927) - о погибшей 30 октября 1917 года в окрестностях Царского Села от руки сторонников Временного правительства революционерки, в юности бундовки, впоследствии большевички, имевшей прозвище «Железная Вера».

Конечно, книга М. Моршанской не свободна от ярлыков и штампов большевистского агитпропа. В ней можно встретить перлы наподобие: «Нет ничего удивительного, что юноша — экспансивный, горячий, сильный — увлекся видимой революционностью работы анархистов». Но не это определяет ее ценность. Главное достоинство книги – возвращение из небытия незаслуженно забытой фигуры, очень яркой и самобытной.

Какой могла бы быть судьба Иустина Жука, не погибни он в 1919 году? Можно сделать самые разные предположения. Возможно, он изменил бы анархизму и пошел бы в услужение большевикам, как поступили Шатов и Аршинов. Не исключено, что он, наоборот, мог бы прозреть после подавления Кронштадта, а то и попытаться поднять шлиссельбургских рабочих на помочь морякам. Тогда бы не избежать ему Соловецкого лагеря или пули по приказу Троцкого и Зиновьева, с которыми бок о бок он действовал в 1919 г. А, может быть, он занял бы нейтральную позицию, отойдя от политики и войдя в Общество бывших политкаторжан. Очевидно одно, что в 1937 году за ним пришли бы, независимо от предыдущей позиции, как пришли и за ренегатами от анархизма, и за инвалидами из Домов политкаторжан в Ленинграде и Москве. Не говоря уже о продолжавших считать себя анархистами и социал-революционерами. Люди в форме НКВД пришли и за Шатовым с Аршиновым, и за бывшим секретарем редакции журнала «Каторга и ссылка», находившимся в ссылке в Новосибирске эсером-максималистом Иосифом Жуковским-Жуком.

Ярослав Леонтьев,
доктор исторических наук

Содержание

1.Детство и юность И. П. Жука	16
2.Анархистские увлечения	18
3.Возмездие	25
4.Шлиссельбургская крепость	27
5.На свободе!	32
6.Смерть за революцию!	44
7.Приложение. Выписка из приговора	49
Примечания	53

1. Детство и юность И. П. Жука

Шлиссельбуржец «второго призыва», Иустин Петрович Жук не был коммунистом, он был анархистом-синдикалистом. Освобожденный от каторги рукой рабочего в первые дни после Февральской революции, он тут же попал в атмосферу пролетарской борьбы и сразу сделался «горячим поборником коммунизма... И он отдал себя в распоряжение нашей партии. И он признал ее суровую дисциплину. И он погиб на посту, на который поставила его наша партия»(1).

Товарищ Жук родился 31 мая 1887 года в местечке Городище, Черкасского уезда, Киевской губернии. Его отец, бедный крестьянин Петр Жук, живший на хуторе Дырдином со своей семьей сам-шест, всегда терпел большую нужду; тем не менее, видя недюжинные способности и страсть к учению своего второго сына, Иустина, не препятствовал мальчику поступить в Городищенское одноклассное училище, куда тот и попал в 1899 году. Отсюда в сентябре 1901 года он перешел в 3-ю группу двухклассного Городищенского заводского училища. Эту школу Иустин Жук окончил с блестящим успехом в мае 1904 года. В юноше росла жажда знания, но продолжать образование обычным школьным путем он не мог из-за бедности родителей: был необходим заработка. Иустину удалось поступить на работу при химической лаборатории того же завода. Работа была интересная и давала некоторый досуг для пополнения образования. Со всем рвением принял энергичный юноша за труд, получив возможность в процессе служебной работы расширять свой умственный кругозор и приобретать интересующие его научные знания. Дело в том, что работа в лаборатории тесно связала его с химией, в изучении которой Иустин скоро достиг блестящих результатов; атмосфера же, окружавшая завод, дала ему возможность пропитаться революционным духом и еще глубже проникнуться сознанием необходимости общего образования. Но такое раздвоение скоро перестало нравиться его непосредственному начальнику, заведующему лабораторией. Он начал притираться к своему подчиненному, ставя ему на вид, что тот слишком много времени отдает ученью в ущерб службе. Видя, что продолжать здесь дело своего самообразования ему будет невозможно, Иустин решил бросить службу и поискать лучших путей. Узнав о том, что известный в их краях Т. И. Осадчий основал Ирусянские сельскохозяйственные классы, молодой Жук говорился со своим ближайшим товарищем по заводскому училищу Морозовым, и в сентябре 1905 года они оба стали учениками Осадчего. Но не удалось нашим друзьям

сделаться агрономами. Грозой прокатилась по России первая русская революция, и отраженные громовые раскаты после ее ликвидации достигли и Украины. Черная реакция овладела и этим благодатным краем. Города и села наполнились шпиками и провокаторами, деревни отдавались на разграбление казакам и жандармам, люди толпами засекались до смерти, военно-полевые суды всё чаще и чаще начали олицетворять собою «правосудие». Скоро администрации стало известно, что в Прусянской сельскохозяйственной школе вольным духом пахнет, что ее педагогический персонал и значительная часть учеников заражены революционным ядом. На школу был учинен набег, после чего ее постиг полный разгром. Школа была закрыта, большинство педагогов арестовано, а часть из них и многие ученики должны были скрыться, причем некоторые бежали за границу.

После разгрома Прусянской школы Иустину пришлось вернуться в свою деревню и, оставшись, так сказать, без руля и без ветрил, заканчивать свое воспитание и свое образование в таких условиях, какие создались под влиянием общественной жизни того времени: полный мрак и отчаяние, поражение революции и беспощадная ликвидация ее, разгон 9 июля 1906 г. первой, а затем 3 июня 1907 г. и второй Государственной думы, полное торжество реакции, подъем настроения у помещиков и капиталистов.

Партийная интеллигенция была снова загнана в глухое подполье. Значительная ее часть переживала глубокий кризис и ушла от революционной работы. Экономические условия, — недостаточный заработок и общие тяжелые условия жизни рабочих, недостаток земли и обнищание крестьянства, — карательные экспедиции, тюрьмы, виселицы поддерживали в них революционное настроение, которое, при отсутствии идейного партийного руководства, иногда шло по ложным путям и толкало население к организации боевых дружин и к анархическим выступлениям. Стали все чаще и чаще практиковаться «эксы», так называемые экспроприации, а попросту ограбления учреждений и частных лиц, иногда находившие поддержку в интеллигенции.

Что касается партии анархистов, то она возводила эксы в принцип и делала их чуть ли не основной своей работой. Вот в такую-то атмосферу и попал молодой Иустин, очутившись «на свободе» — свободным от школы, от ученья, от интересного дела. Нет ничего удивительного, что юноша — экспансивный, горячий, сильный — увлекся видимой революционностью работы анархистов. Особенно же, когда появились интеллигенты, дававшие и идеологическое обоснование этой революционности, умевшие увлечь юношу, окружить всякие бесшабашные эксы известным ореолом, — при таких условиях юнец, полный честных порывов, но не имевший еще твердых моральных и научных основ, отдался всей ду-

шой жизни, полной романтических приключений, риска и героизма.

Думается, что вступление т. Жука в группы анархистов-максималистов легко может быть объяснено настроением, сходным с настроением недавно погибшего т. Дм. Фурманова, который писал в своей автобиографии: «... Пламенные настроения, при малой политической школе, толкнули быть сначала максималистом, дальше анархистом, и, казалось, новый желанный мир можно было построить при помощи бомб, безвластия, добровольчества всех и во всем...»(2). На юге России вообще, а в Киевской губернии в частности, анархистское движение было развито чрезвычайно широко. Объемистый том районных агентурных сведений, подававшихся начальнику Киевского губернского жандармского управления в 1909 году, выясняет, что анархические группы, слившиеся впоследствии в одно русло — Южное федеративное общество анархистов-коммунистов, образовывались по каждому частному случаю — нападение на завод, на мельницу, на банк, на частных лиц — и после окончания данного дела либо ликвидировались и расходились, либо продолжали существовать и «работать» в том же направлении. В состав их входили члены разных партий — изредка эсдеки и очень часто — эсеры. Пополнялись эти группы — главным образом случайно — ремесленниками, рабочими и крестьянами.

Жук был близок со смотрителем Городищенского завода Ващенко, а брат последнего, доктор Ващенко, укрывал у себя товарищей Жука. Анархисты проникали в учреждения, где они могли иметь непосредственную близость с массами. Так, Нина Рыбакова и некая «Мария Ивановна» работали по организации Народного дома. Анархисты поставили довольно хорошо издательскую работу. У них были издательства: «Вольная воля», «Буревестник», «Трудовая Республика» и проч., поставившие своей целью издание брошюр и листовок специально для крестьян и рабочих. Количество анархистских групп было очень велико. Были «безначальцы», «бунтари», «трудовики» и - др. Организационную работу в них иногда вели интеллигенты с большими знаниями и связями. Так, некая Вера Москаleva имела связи и получала деньги из Нью-Йорка; некий Аденский был связан с Парижем и получал оттуда агитационную литературу; какой-то «Степан» такие же связи имел в Бельгии.

2. Анархистские увлечения

Иустин Жук со своими последователями сыграл не последнюю роль в своем районе. Он заражал своей горячностью, своим энтузиазмом всех, с кем он сталкивался, начиная со своих родных. О том влиянии, какое он оказал на своего младшего брата Акима и на своего зятя Андрея Уса, известно

будет из нашего рассказа. Его молоденькая двоюродная сестра Люба Жук сделалась верной его сообщницей. Его двоюродный брат Адриан Жук уже в 1906 году принимал участие в анархистских приключениях Жука. В 1907 году Иустин Жук сдружился со студентом Юрай Пятаковым, сыном директора соседнего сахарного завода, и тот усердно начал заниматься пропагандой, добычей денег, литературы и оружия, в результате чего тот же «Стефан», получив явку и приехав 16 марта 1909 г. в Городище, на хутор Жука, между прочим выяснил, «что крестьяне этого хутора все поголовно распропагандированы»(3). Почти ребенком, еще учась в заводском училище, маленький Иустин заинтересовался революционным движением, чему, очевидно, способствовала заводская атмосфера. Он познакомился со многими местными революционерами. Шустрый, энергичный, умный мальчик приобрел в этом мире общие симпатии и доверие. Часто пользовались старшие товарищи его услугами, давая ему всякие мелкие поручения. Мальчик тем временем рос и проходил революционную школу. При переходе в сельскохозяйственное училище, администрация которого имела вполне определенное направление, развитие юноши пошло быстрым темпом, и мировоззрение его ясно определилось в сторону революционности, причем выяснились вся сила его характера и его недюжинный ум. Конечно, наблюдения властей не замедлили обнаружить в нем своего врага, и юноша несомненно подвергся бы репрессиям, если бы не успел во время исчезнуть из училища. Спустя некоторое время после закрытия школы, Иустин поселился в доме своих родителей, и тут он уже целиком отдался делу революции, перейдя для этого на нелегальное положение. Целыми неделями Иустин скрывался в лесу, лишь изредка заходя по ночам домой захватить что-нибудь из продуктов, так как, перейдя на нелегальное положение и вступив в группу анархистов-синдикалистов, он преувеличенно щепетильно относился к партийным деньгам, требуя того же и от товарищей.

Реакция надвигалась всё сильнее и сильнее. Несмотря на жестокие репрессии, брожение среди крестьян и рабочих не утихало, хотя революционная работа среди них была поставлена в чрезвычайно тяжелые условия. Но тяжесть борьбы только разжигала ненависть молодого Жука к самодержавию и усиливала его энергию. Скоро в нем проявились громадный организаторский талант и большая притягательная сила, которая привлекала к нему пролетарские и крестьянские массы.

С невероятной быстротой ему удалось организовать группы анархистов-синдикалистов, под общим названием «Южно-русская федерация крестьян анархистов-синдикалистов», в следующих селах и mestechках: Городище, Хлыстуновка, Толстое, Ротмистровка, Смела, Малая Смелянка, Константиновка, Ковалевка и т. д. Обладая выдающейся организаторской

способностью, дальновидным умом, железной волей, неподражаемой храбростью, он почти во всех селах и mestechках Черкасского уезда организовал группы, тесно сплотил их и связал с группами Екатеринослава, Киева и Полтавы, откуда они снабжались литературой и оружием. С каким-то удивительным чутьем он угадывал в продолжение нескольких лет своей революционной деятельности людей, которые были полезны для борьбы, привлекал их к работе и, главное, пользовался их уважением и абсолютным доверием. Будучи человеком кристаллически чистым и в высокой степени честным, безгранично преданным служению народу и как бы созданным только для других, Иустин всюду, как никто, завоевывал симпатии к себе со стороны товарищей по борьбе с царизмом(4), понимая борьбу в анархистско-упрощенном смысле. Особенно прославился т. Жук во всей своей округе умением дурачить шпиков и ускользать от их слежки. В этом ему помогали устраиваемые по его инициативе и под его личным наблюдением подземные конспиративные квартиры. Они представляли собой подземные, довольно глубокие галереи - лабиринты с несколькими выходами. Правда, постройка их была сопряжена с большим трудом, жить там — абсолютно без света — было очень тягостно, но зато живущий в такой квартире был буквально неуловим для постороннего человека. Жуку приходилось целыми неделями скрываться в этих норах и вести жизнь крота(5), но зато это давало ему возможность спасаться и вести свою работу больше трех лет и притом в такое время, когда ему ежеминутно угрожала виселица. Из этого видно, сколько самоотвержения, сколько энергии и сколько любви нужно было, чтобы выдержать такую жизнь... Он всюду поспевал — сегодня здесь, а завтра, отмахав пешком за ночь верст 50, а то и больше, появлялся в далекой группе и там с жаром и энергией подбодрял ленивых и убеждал малодушных бороться не на жизнь, а на смерть со своим смертельным врагом — с царизмом(6). Живя при таких условиях, т. Жук еще находил время и силу не оставлять мысли об учении, о самообразовании. Кроме того, он занимался литературой и даже писал стихи. К сожалению, после его ареста, перепуганные насмерть старики-родители, все его литературные произведения частью сожгли, частью утопили в реке.

Выясняется, что Иустин Жук был «атаманом» своей группы, что в число членов этой группы входили очень крупные анархисты, как Вера Москаleva и Яков Лисовой(7), что у этой группы было несколько конспиративных квартир в окрестных селах: в селе Ковалиха — у Лисового и Танцурьи, в селе Ротмистровка — у Сергеенки, в селе Лозановка — у Бандуры, в селе Тарновка — у Доброштана, в селе Вязовка — у Фурмана и т.д.

Крестьянин села Ротмистровки Афанасий Петрович Сергеенко, бывший соученик Жука по Просянскому училищу, состоял в груп-

пе Жука и был большим последователем анархо-синдикализма. Послушаем, что говорит о деятельности Жука Киевское жандармское управление:

«... Иустин Жук стоял во главе Черкасской группы анархистов-коммунистов и был душой всех разбойничьих нападений и убийств, имевших место в 1907 и 1908 гг. в Черкасском уезде; он находился в самых тесных сношениях с членами Екатеринославской группы анархистов-коммунистов; он принимал участие в убийстве в 1907 г. в местечке Городище стражника Куринского; принимал также участие в разбойном нападении на какой-то сахарный завод в 1907 г. (кажется, Матусовский); участвовал в перестрелке в 1908 г. с ингушами возле местечка Бурты, причем перед этим предварительно разбойники собирались в местечке Буртах; далее, он также участвовал в перестрелке с ингушами в Млеевском лесу. Он находился в постоянных сношениях по делам организации с какой-то учительницей из Петербурга(8), с сыном директора Городищенского завода, причем последний привозил неоднократно в м. Городище из Киева нелегальную литературу и оружие, а также вел преступную агитацию среди местных крестьян, коих Иустин Жук собирал на сходки... Кроме того, он находится в постоянных сношениях с весьма видным членом группы анархистов-коммунистов, евреем по имени Мишней»(9).

Одним из проявлений деятельности анархистских групп были экспроприации денежных сумм, необходимых для партийных нужд. Иустин Жук также не был чужд такого рода предприятий, причем всегда фигурировал в роли вожака, беря на себя самые ответственные и рискованные роли. Один из таких случаев имел место в описываемое нами время и погубил Жука при посредстве его врага — Фоменко.

В местечке Городище, Черкасского уезда, служившего ареной деятельности Жука, находился Мариинский свеклосахарный завод Балашовой. Благодаря тому, что младший брат Иустина Жука Иоаким и он сам иногда работали на этом заводе, Иустин мог держать его под своим наблюдением и узнавать, когда на заводе бывало много денег. В конце ноября 1908 г. стало известно, что скоро предстоят большие получки. И, действительно, 4 декабря было получено в конторе 5 000 руб. и тысяч на тридцать векселей. Иустин Жук, взяв с собой своего брата и еще четырех наиболее храбрых товарищей, 4 декабря, в 6 часов вечера, произвел нападение на контору завода; они отобрали у служащих все полученные в тот день деньги и довольно много оружия, причем были убиты охранявшие завод трое ингушей и один сильно ранен. Всем нападавшим удалось бежать, и почти три недели Иустин и его главный помощник скрывались в селе Малая Смелянка у одного из товарищ, по соседству с которым у Жука была конспиративная

квартира, где он хранил оружие, запас динамита, сфабрикованные им же самим взрывчатые снаряды и «белые балахоны»(10), служившие, по-видимому, анархистам во время их налетов. Не подлежит никакому сомнению, что главная роль в этом событии принадлежала Иустину. Привычным тоном вожака «Владимир» — такова была тогда кличка Иустина — распоряжался и командовал, а его помощники слушали и повиновались.

По показаниям Ивана Савивского, ближайшего помощника Жука, известно, «что, по приглашению «Владимира» и «Юры» (11), в ночь на 4 декабря они отправились к саду Павленки, а оттуда прошли к Терентию Штепе (фамилии односельчан Жука). У последнего на столе в хате лежало 4 браунинга и два маузера, а также три бомбы. Утром 4 декабря «Владимир» объявил о предстоящем нападении на завод, приказавши всем из хаты не выходить. «Владимир» сам никуда не отлучался и все время распределял роли участников предстоящего нападения... Около четырех часов дня «Владимир»... заявил присутствующим, что пора собираться, роздал каждому по пистолету, сам взял еще небольшую бомбу; две других бомбы захватили Юра и Гришка(12).

У железнодорожного мостика, что против завода, «Владимир» приказал обвиняемому и Чепелю первыми идти в контору и там их ожидать»(13).

В назначенный им же самим момент «Владимир» — Иустин оказался на месте, произвел первые выстрелы, криком «Руки вверх!» ошеломил перепуганных конторщиков, отобрал у них деньги и, завязав все бумажки в свой платок, ушел сам и вывел своих помощников.

Благодаря строгой и выдержанной конспирации, вероятно, долго еще Жук водил бы за нос шпиков и соглядатаев, но его погубило предательство изменника Фоменко, по прозванию «Филька», жителя ближнего села Ковалевка («Ковалиха»).

Как известно, Иустин относился крайне бережно к партийным деньгам, беря на свои издержки лишь минимальную сумму. Того же он требовал и от сотоварищей. На этой почве у него часто были столкновения, и одно из них едва не стоило ему жизни и во всяком случае отняло у него несколько лет свободы. Фоменко, или «Филька», вначале был черносотенцем и в 1905 году усердно громил и грабил еврейские лавки, составив себе таким образом изрядное состояние. Вскоре он подвергся преследованию полиции. Ему пришлось скрываться; сначала он прятался один, потом «примазался» к организовавшейся в селе Ковалевка группе анархистов-синдикалистов, а затем вошел и в партию. Состоя в партии, он часто злоупотреблял партийными деньгами, и на этой почве у него происходили постоянные столкновения с Жуком.

Около трех недель скрывались Жук и Савивский на своих конспиративных квартирах, но за это время произошла новая ссора между Жуком и Фоменко из-за растраты партийных денег, и «Филька» решил выдать не

только Жука, но и всю местную организацию. Придя в местечко Смелу, он явился в полицию, «отдал револьвер и взрывчатые вещества, бывшие при нем, и указал, что в Малой Смелянке в конспиративной квартире находится сейчас городищенский революционер И. П. Жук с другим товарищем»(14). Лавры этого предательства по справедливости должен разделить с «Филькой» электротехник Кирилл Федорович Василенко, работавший в охранке на сахарном заводе в местечке Городище с 1906 до 1914 года. Он же обнаружил план организации побега Жука и арестованных вместе с ним товарищей и провалил этот план. Этот провокатор-интеллигент очень ловко проводил свою работу. В Черкасском уезде он организовал ряд обществ (Общество распространения образования, кооперативные учреждения и т. д.), куда и втягивал работников революционного движения. Он выдал более 100 человек. В своих преступлениях Василенко впоследствии сознался(15).

Получив эти сведения 21 января 1909 года, пристав 1 стана Черкасского уезда с нарядом 16 чел. конных стражников, отрядом в 11 чел. ингушей и 30 чел. солдат и 3-х жандармов, около 8 час. вечера того же числа направился к селу Малая Смелянка и там, разделив свой отряд на две половины, оцепил сначала дом Холоденка.

В то время, как в доме Холоденка завязалась перестрелка, вторая половина отряда оцепила дом Тараса Теребенька, откуда тотчас же началась учащенная стрельба и послышался сильный взрыв. Тогда стражники и солдаты в свою очередь открыли стрельбу и окна дома, но войти в него не имели возможности. Продолжавшиеся всю ночь выстрелы из дома сопровождались громким пением революционных песен. Прибывший утром 22 января черкасский исправник Салтык распорядился стрелять в дом Теребенька с крыши соседнего дома и полуротно с улицы, пачками. После этих выстрелов из дома раздался крик с просьбой выпустить детей. Вслед за этим из дома вышел злоумышленник, в котором исправник узнал Иустина Жука. Жук был немедленно арестован и под усиленным конвоем отправлен в черкасскую тюрьму.

«... Привлеченный к следствию в качестве обвиняемого, Иустин Жук заявил следователю, что он атеист и анархист и что никаких объяснений по делу о нападении на Мариинский завод он давать не желает»(16).

Уже вскоре после ареста Жука стало известно, что «... Тартаковский получил из тюрьмы письмо от Иустина Жука, в котором последний писал (ему), чтобы он не беспокоился, так как на суде Жук всё примет на себя и никого из товарищей не выдаст»(17).

«При производстве дознания о разбойном нападении на Мариинский сахарный завод было установлено, что главарь шайки И. Жук 29 ноября 1908 г. скрывался в доме Андрея Сысоева Уса. Затем он дважды посыпал через Уса деньги для своих скрывшихся после нападения на завод това-

рищей. 24 декабря 1908 г. Андрей Ус, возвратившийся в этот день домой из рудников, где он был на заработках, просил сообщить Иустину Жуку, что он привез 20 ф. динамиту и 13 капсюлей»(18). Ус, судя по его осведомленности о всех членах шайки, поддерживал с ними постоянные сношения, о чем «сотрудник» Пятаков сообщил 5 февраля 1909 г. начальнику Киевского губернского жандармского управления Леонтьеву. При осаде конспиративной квартиры в Малой Смеле были убиты крестьянин местечка Городище Антон Саввов Петруха (кличка — «Левка», «Леонтий») и Яков Семенов Селянка —«Юра». Во время переезда на подводе до местечка Смела Жук пел революционные песни. Из Черкас его через несколько дней отправили в Киев. На пути следования его туда на станции Бобринская провожать его вышло из депо много рабочих, к которым он во все время стоянки поезда говорил речь. На станции Воронцово Городище его встречала и провожала большая толпа крестьян и рабочих(19).

Дело Иустина Жука получило широкую известность. В газетах появились сообщения, вроде следующего: «Дело анархистов», Киев, 13 мая 1909 г. Начался слушанием процесс анархистов, обвиняемых в ограблении Городищенского сахарного завода и нескольких убийствах. Выясняется, что главного обвиняемого Иустина Жука с товарищами выдал некто Фоменко, вращавшийся в революционных кружках и состоявший в связи с полицией. Фоменко указал анархистам складочное место бомб, оружия и литературы, завлек туда анархистов и предал их полиции. Обвиняемых одиннадцать. Грозит смертный приговор»(20).

Организация, основанная Иустином Жуком, продолжала существовать и развиваться и после его изъятия. 15 сентября 1909 г. начальник Киевского жандармского управления, со слов того же «сотрудника» Пятакова, сообщает: «В Черкасском уезде функционирует группа анархистов-коммунистов, присвоившая себе наименование «Южно-российская федерация группы анархистов-коммунистов». В состав этой группы входит значительное число членов из числа местных крестьян. Ныне же приняты все меры к тому, чтобы поскорее убить Фому Фоменко, за которым установлено неотступное наблюдение со стороны группы»(21).

На жизнь Фомы Фоменко покушался Иван Фоменко, благодаря чему преступник должен был скрываться. С 5 декабря 1908 г. он содержался под стражей в порядке охраны при становой квартире в местечке Городище, Черкасского уезда(22).

3. Возмездие

Доставленный в Киев, т.Жук был помещен в местную тюрьму и больше трех месяцев томился там в ожидания суда, который, по условиям того времени, сулил ему неминуемый исход — смертную казнь. Но товариши его на воле не дремали и употребляли все усилия, чтобы спасти его от смерти. Подготавлялся побег, причем сношения с Жуком велись через тюремную старостиху Соколову, сосланную впоследствии в Тобольскую губернию. Дали знать Жуку, что он должен сделать заявление о том, что желает пригласить себе защитником адвоката Виленского. Согласие было дано, и Виленский получил разрешение посещать своего подзащитного в его камере. Здесь они сговорились, и адвокат за 5 000 рублей, полученных от партийной группы, пообещал дать Жуку возможность бежать из здания суда в тот день, когда его привезут туда во время разбирательства его дела. Но, когда настал подходящий момент, Виленский, по-видимому, струсил и, получив деньги, побега не устроил. Тем не менее надо отдать ему справедливость: не дав Жуку возможности бежать, адвокат все-таки спас его от грозившей ему смерти. О предполагаемом побеге Иустина Жука сведения были сообщены киевскому губернатору 28 октября 1909 года: «От 25 ноября 1909 г. сообщается начальнику Киевского губернского жандармского управления, что передано в тюрьму для Жука 1500 р. Он несомненно бежит или во время следования этапом, или с места ссылки»(23).

Уверенность в энергии, в настойчивости Жука была так сильна, что никто не сомневался в его побеге. Это, конечно, и послужило поводом для ускоренного перевода Жука сначала в Смоленскую каторжную, а в дальнейшем в Шлиссельбургскую тюрьму. В этом же надо искать причины тех строгостей, какими сопровождалась каждая встреча Жука на новом месте.

Приговором военного суда, вступившим в законную силу 20 мая 1909 года, как Иустин Жук, так и его ближайший помощник Ив. Савивский были осуждены на «смертную казнь через повешение»(24). Тогда Виленский начал хлопотать о помиловании Жука и добился этого благодаря посланной ко дню именин царицы телеграмме(25). Таким образом, Иустин Жук, 22 лет, и Иван Савивский, 24 лет, были осуждены на вечную каторгу, а 19-летний Аким Жук — на 10 лет(26). Последний не выдержал своего срока и, брошенный в тюрьму, спустя некоторое время умер.

Зять Жука, муж его сестры Марии, крестьянин их же деревни Ус, оказывавший иногда услуги Иустину и его товарищам-анархистам в их опасных приключениях, тоже был арестован и потом выслан в Архангель-

скую губернию. В настоящее время он возвратился домой и по-прежнему работает на своей земле. Что касается помощника Жука Ивана Савивского, то из дела выясняется, что «помилование» его не пошло ему на пользу и недолго продолжалась его пожизненная каторга. Смертный приговор скоро настиг его, хотя и без соблюдения всех официальностей.

«Звенигородский уездный исправник донес мне, что 12 сего октября, в 4 часа пополудни, содержавшийся в звенигородской тюрьме арестант Ив. Савивский, осужденный к ссылке в каторжные работы за участие в разбойном нападении на контору Городищенского сахарного завода в Черкасском уезде и присланный из киевской тюрьмы в виду назначения к разбору в Уманском окружном суде дела по обвинению его в грабеже, покушался на побег из-под стражи, с каковой целью пробрался через крышу тюремных камер за тюремную ограду, но здесь был замечен стоявшим на часах тюремным надзирателем Семеном Кузьменковым, который настиг и задержал его, ранив при этом ударом штыка. Савивский помещен на излечение в звенигородскую земскую больницу, при чем полученное им ранение отнесено к разряду тяжких, угрожающих опасностью для жизни»(27).

«Помилованный» Иустин Жук для отбывания своей бессрочной каторги был переведен в 1909 г. во временную каторжную смоленскую тюрьму, где его поселили вместе с другими «вечниками» в главном корпусе. Но в начале 1911 г. он сменил свою квартиру при следующих обстоятельствах: начальником тюрьмы в то время был некий Гордов, которому как-то пришло в голову устроить для обитателей тюрьмы вечеринку силами их же самих. Подготовка к вечеринке, спевки, репетиции и проч. должны были происходить в «одиночном» корпусе, где помещались мастерские и где режим, благодаря этим мастерским, был гораздо легче, чем в главном корпусе. Здесь было доступнее сношение с внешним миром, тут можно было достать нелегальную литературу, химические чернила и т. п. Вот сюда-то и перевели человек 15 «вечников» для участия в оркестре, хотя многие из будущих музыкантов никогда не держали в руках никакого музыкального инструмента. Первым делом с них сняли наручники, а затем «артисты», среди которых оказался и Жук, принялись за устройство своих личных дел. У Жука и здесь возникла мысль о побеге. Он очень сдружился с находившимся раньше в одиночном корпусе молодым интеллигентом-эсером Владиславом Феликовичем Габелем. Габель был осужден на 4 года каторги, по молодости уменьшенней ему до 2 лет 8 месяцев, и в скором времени должен был выбыть в Иркутскую губернию. Вот этим-то и решил воспользоваться Жук для побега.

Он обратился к своему «другу» с просьбой постараться разведать место служения в Забайкальской области его однодеревенца, военного фельдшера (фамилию и адрес обещал дать, но по обстоятельствам не успел этого

сделать), а в Чите — некоего фотографа Кузнецова, к которым с рекомендацией его, Жука, обратиться «за содействием». Фельдшер (его признак: судился вместе с Жуком в Киеве, но оправдан) снабдит его достаточным количеством денег и паспортом, с которым он должен бежать в Читу, укрыться у Кузнецова, а когда первые порывы поисков поулягутся, запастись у Кузнецова экстрадинамитом, с которым бежать в Смоленск, где, пристроившись в удобном месте, динамит передать через тюремного писца Сорокина и фельдшера Колбасова. Из этого вещества он, Жук, приготовит взрывчатые снаряды, посредством которых и целого дерзко выработанного плана совершил побег сам и многие его соучастника, причем совершают массовое избиение стражи и начальства. «План, переданный Жуком, хотя на первый взгляд и казался фантастичным, но по обсуждении его с начальником тюрьмы оказался до безумия смелым, но возможным»(28). Но талантливый эсер Габель(29) оказался мелкой душонкой: выпытав планы доверчивых «вечников», он донес на них, думая за это купить себе «помилование», о чем и подал прошение. Рассвирепело начальство; мысли о вечеринке были отброшены, начались обыски и репрессии, «вечники» были снова выброшены в главный корпус и снажены наручниками. Вскоре они все были раскассированы, и мятежный, свободолюбивый Иустин Жук, вместо желанной свободы, оказался обреченным на вечное, безмолвно заточение в мрачной Шлиссельбургской крепости.

4. Шлиссельбургская крепость

Шлиссельбургская крепость, называвшаяся в старину «Орешком», была построена новгородцами в XIV веке на маленьком каменистом островке, который северным своим концом упирается в Ладожское озеро, а с востока и запада омывается могучими волнами широкой Невы, сливающимися вместе позади островка. Окруженная семисаженной стеной, крепость издавна служила оплотом царско-му самодержавию и могилой многим героям, которые, не щадя своих сил и жизни, шли на борьбу с царизмом и на защиту трудящихся.

«Вот наконец и грозная Шлиссельбургская крепость!.. К этому самому месту, к этим воротам, в темные глухие ночи не раз причаливала мрачная баржа с закованными в железный переплет окнами, и целяя рать синих мундиров высаживала на берег таинственных плеников, безгласных и беззащитных: одни приезжали сюда на немедленную смерть, другие на многолетнюю страду заточения в казематах. И едва нога узника, волоча кандалы, ступала на роковой берег, как жандармы хватали его за руки и, точно спасаясь от чьей-то погони, точно со-

знавая всю преступность своего дела, бегом бежали в ворота...»(30).

Один из таких случаев произошел весной 1911 года. Открылись тяжелые ворота, еще раз шумно прогрохотал массивный чугунный засов, и мрачная тюрьма поглотила нового пришельца. Это был молодой человек лет 24, высокого роста, гордого, независимого вида, темноволосый, с красивым овалом бледного, изнуренного лица, с тонкими, крепко сжатыми губами, с блестящими глазами, говорившими о железной силе воли и большой энергии их обладателя.

Иустин Петрович Жук — это был он — тотчас по поступлении в крепость был помещен во второй корпус, куда обычно селили заключенных, которым предшествовала «худая слава» в виде пометки в сопроводительной бумажке о дурном поведении. Здесь были общие камеры, в которых жили по 10-12 человек. В одной из таких камер, носившей название штрафной, и провел т. Жук значительную часть времени в 1911—12 годах.

Площадь, заключенная в седые, замшевые стены крепости, вмещает в себе четыре тюремных корпуса с прилегающими к ним двориками и несколько служебных зданий, как-то: надзирательские корпуса, баня, прачечная и проч. Первый тюремный корпус раньше был населен жандармами и отрядом солдат, служивших для охраны.

Второй корпус построен на месте здания, именовавшегося у народовольцев «старым». В народовольческие времена здесь было одноэтажное здание с несколькими одиночными камерами. Высокая крепостная стена отделяет это пространство от общежития с остальной площадью всей крепости. На месте одноэтажного здания соорудили двухэтажное с двенадцатью общими камерами. Не успели закончить второй корпус, как он уже дал трещины и потребовал переделки. Явившаяся комиссия признала здание угрожающим опасностью для его обитателей. На треснувших стенах и потолках прикрепили небольшие деревянные бруски для наблюдения над дальнейшим развалом, но в сущности больше для скрепы, так как с этими брусками корпус и остался. Обитателей, несмотря на опасность, не выселяли ввиду «квартирного кризиса»: разгром революции давал свои жертвы, и тюрьмы переполнялись всё больше.

Третий корпус, Народовольческий, больше всех других сохранился от всяких изменений и переделок. Здесь всё носило память живших тут когда-то героев «Народной воли»; возле этого корпуса сохранились огород, оранжерея. Камеры здесь были одиночные, и сюда вселяли преимущественно лиц зловредного влияния, которых опасались и которых хотели изолировать от других заключенных. Четвертый корпус был последним зданием, которое было использовано для жилья каторжан(31).

Дошедшие до нас сведения о крепостном режиме того времени, когда

одним из обитателей этого застенка сделался т.Жук, характеризуют этот режим, как вполне заслуженно получивший название каторги. Срок носения кандалов, унизительного и тяжелого физически, не только никогда не сокращался, как это нередко бывало в других тюрьмах, но, наоборот, удлинялся всегда — по причинам и без причин. Вычислено, что для 69 политических этот срок был длиннее назначенного на 109 слишком лет, т.е. каждый политический носил кандалы почти на 2 года больше, чем ему было назначено. Число дней, проведенных в карцере, для 69 человек составляло 3 963; меньше 30 суток никто не сидел. «Число карцерных дней к началу 1914 года для всей тюрьмы должно быть свыше 25 000»(32).

Пища заключенных всегда оставляла желать лучшего. Хищения администрации достигали громадных размеров. Сидевший в Шлиссельбурге с.-д. Билибин начал интересный опыт: можно ли просидеть на одной тюремной порции пищи без улучшения ее за свой собственный счет. Оказалось, что казенной пищи недостаточно: ослабевает энергия, память, и появляются головные боли. Но все эти тяжелые стороны каторжной жизни меркнут в сравнении с тем издевательством, которое приходилось переносить заключенным со стороны начальства. Обращение на «ты», требование полного обезличивания, муштровка, постоянно подчеркиваемое презрение к человеческой личности заключенных — всё это беспрерывно возмущало, нервировало последних и создавало для них уже настоящую каторгу. Особенно это должно было действовать на таких независимых людей, как т. Жук с его страстным темпераментом, самостоятельным характером и сознанием своего достоинства. И, действительно, из воспоминаний его соратников по каторге мы знаем, что на всякие стычки с начальством он реагировал чрезвычайно сильно и не упускал случая выразить свой протест как в своих личных столкновениях с тюремными палачами, так и в случаях необходимости выразить солидарность с товарищами. Надо думать, что он достаточно изводил начальство, так как в начале 1912 года его перевели в одиночную камеру третьего корпуса. Сам он был не очень затронут этой переменой в своей жизни, так как пребывание во втором корпусе, связанное с необходимостью жить в обществе 10-12 не всегда подходящих к нему соседей, было довольно тягостно и мешало его занятиям; он по-прежнему стремился к самообразованию и всё свое время проводил за чтением или письмом. Рассказывают, что он задумал написать историю Шлиссельбургской крепости со времени окончания ее народовольческой эпохи. Кроме того, он любил писать стихи и писал их, по отзывам товарищней, недурно. К сожалению, ему не удалось сохранить и эти свои произведения: все они погибли во время набегов белогвардейских банд на Украине, куда он ездил по освобождении из крепости.

Жизнь в одиночной камере, давая некоторую свободу, — в пределах, конечно, начальственного усмотрения, — для литературных и научных занятий, в то же время не обрекала человека на полное одиночество. На общих прогулках, в бане, в кубовой, куда заключенные сами ходили за кипятком, они постоянно встречались с товарищами и могли не только переброситься словом, но даже и вступать в принципиальные споры друг с другом, тем более, что здесь были собраны представители всех партий и всех течений. В описываемое время тут перебывало 36 анархистов, 39 эсеров, 15 эсдеков, 8 максималистов и 1 махаевец(33). Сношения с внешним миром, несмотря на упорные старания со стороны начальства воспрепятствовать этому, тоже не были исключены. Случайно попавшая газета, редкие свидания немногих счастливцев, умело прочитанные между строк известия в процензурированном письме — всё питало жадное внимание, всё сближало с жизнью за стенами крепости. Таким образом, ни партийная, ни общественная жизнь не оставалась вне сферы наблюдения и осознания отлученных от мира людей. Но мрачная современность редко доносила отрадные вести: предательство, отступничество, ликвидаторство густым флером покрывали возникавшие в воображении картины, и у томящихся в неволе узников являлось стремление к одиночеству, к общению с природой, с книгой, с самим собой. В общем оставалась всё же самая гнетущая пустота. Благодаря этому т. Жук, переведенный в одиночную камеру третьего корпуса, почувствовал даже некоторое облегчение в одиночестве, дававшем ему по крайней мере возможность отаться науке и искусству. Но постепенно жизнь брала свое: тяжелый пресс царской реакции не выдерживал напора рвущихся наружу революционных сил и поневоле ослаблял свои тиски.

«Полегоньку, помаленьку стали налаживаться связи с партийными товарищами... Главное — чувствовалось, что мы не одни, — пишет В. Градский в своих воспоминаниях, — что на смену нам уже пришел «свежих ратников строй». Снова зажилось хорошо, бодро чувствовалось, когда нужно было идти даже в башенный карцер на месяц»(33).

Так шла жизнь своим медленным темпом. Но вот извне стали доноситься более животрепещущие звуки. В воздухе повеяло войной. Вначале она казалась маловероятной, но «вдруг», как это часто бывает при долгом ожидании чего-либо, вдруг грянул гром, и война уже стала фактом. Шлиссельбургский остров, а с ним, конечно, и тюрьму, объявили на военном положении. Широковещательные грамоты гласили, что малейшее неповиновение или возмущение подлежат «немедленной каре по всей строгости законов военного времени»(34). Для мастерских — столярной, портновской, сапожной, слесарной — набрали массу военных заказов: шили солдатское

обмундирование, мешки для песка в окопы — миллионами, шили сапоги, носилки для раненых — десятками тысяч, баки для перевозки взрывчатых веществ ... Со всего крали, сколько захватит рука, обсчитывали арестантов.

«Через стены долетали мощные звуки патриотических манифестаций и сильно ущемляли революционное сердце. В среде каторжан всё смешалось, всё перепуталось... Полетели ко всем чертям и красивые фразы, и дружба, и товарищество, и арестантская солидарность... Забыли и виселицы, и военные суды, и тюремные застенки... Верховный палаch Николай вдруг стал народным героем и увидел поклонение даже от политических каторжан. Анархисты объединились с максималистами, социалистами-революционерами и социал-демократами против таких же анархистов, максималистов, социалистов - революционеров и социал-демократов, разделенные между собою страшнейшими человеческими бедствиями во славу царя и капитала. Порвалась многолетняя дружба, и прежние товарищи стали самыми непримиримыми врагами. Появились пораженцы, непротивленцы, оборонцы. Всё сцепилось в общий клубок страстных до самозабвения словесных и физических схваток»(35).

Первый раскат пушечной пальбы на полях сражений поставил точку на самостоятельной жизни. Умолкли тихие частные беседы, исчезли яркие мечтания о братстве, равенстве, свободе; в тюрьму ворвалась жизнь общества, всё смешала, всё перепутала, всё поставила вниз головой. Сидевшие по пяти и больше лет, парами, в одиночках, сжившиеся как братья родные, не только разделились, но не стали даже гулять на одной прогулке; одно упоминание имени бывшего сокамерника приводило в бешенство иискажало любой черты лица; они оказались в разных лагерях — оборонцев и пораженцев... Всюду и всегда кипела война со всем ее позором, безобразием, жестокостью. «Понемногу стали долетать мысли социалистов с воли. Первым получился «Призыв» Плеханова и Авксентьева. Чтение его на прогулке третьего корпуса вызвало такую бурю, какой Шлиссельбург не видел со дня штурма его Петром Первым и шведами. Одни требовали прекращения чтения, другие настаивали на чтении. Все кричали, все ругались. Плеханову и КО досталась такая баня, какую вряд ли он видел в жизни. Не лучше было положение и нападавших на Плеханова — эти были очень близки от формального мордобития»(36).

К сожалению, сейчас трудно установить, какой точки зрения держался тогда т. Жук по этим вопросам. Из воспоминаний тогдашних сотоварищей его мы знаем лишь то, что он всегда поражал стойкостью и самостоятельностью своих взглядов и большим упорством в отстаивании их. В отзывах о нем, — наряду с большой любовью, можно сказать — с преклонением перед ним как перед личностью гордою, смелою, полною отваги и

умения отстаивать как свои убеждения, так и свои права, — сквозит как будто даже некоторое недовольство тем, что он всегда стремился поставить на своем, одержать верх над своим противником в спорах. Это, по-видимому, следует объяснить тем, что т.Жук, как человек большого ума и сильной воли, настолько крепко воспринимал овладевшую им идею, что провести ее в жизнь становилось уже его непреоборимой потребностью и он употреблял все свои силы, всё напряжение своего ума, чтобы приобрести новых adeptов для осуществления этой идеи. Хотя, повторяю, сейчас трудно воспроизвести весь ход мыслей т.Жука по отношению к злободневности того времени, но надо думать, что он был не на заднем плане в той группе, которая устраивала шумную бучу во время прогулок обитателей третьего корпуса. Кроме того, по всему дальнейшему поведению Жука, по его отношению к наступившей вслед за войной революции и к ближайшим историческим событиям можно предположить, что он не был в числе тех, в ком нашли бы ответный отзыв «Призывы» Плеханова и Авксентьева. Партийная борьба, возникшая на почве военных событий и нашедшая свое отражение в тюремных дискуссиях, изменила и состав шлиссельбургских политкаторжан. Население крепости увеличивалось благодаря тому, что революционный процесс и вовлечение в него народных масс шли вперед гигантскими шагами. Тюрьму стали наполнять пораженцы и оборонцы — эсдеки и эсеры. Но это мало содействовало успокоению умов; борьба продолжалась и тянулась до самой революции.

Борьба эта, по-видимому, мало изменила мировоззрение Жука. Он твердо стоял на своей прежней позиции и по-прежнему именовал себя анархистом-синдикалистом.

Наступившая революция заставила временно примирить непримиримое. Временное затихли всеспоры, заглохла взаимная ненависть. Все обединились в общем ликовании, в общем желании стряхнуть с себя кошмар прошлого и устремить все свои помыслы к созданию прекрасного будущего. Так реагировала каторга на долетевшие извне вести о неожиданной общей свободе.

5. На свободе!

Наконец исполнилась страстная мечта, засияло солнце великой Свободы. Самодержавие свергнуто, пал ненавистный царизм. Освобожденный народ втыкает осиновый кол в могилу поверженного врага и торжествует начало вольной, свободной жизни. Да здравствует революция! Она «пришла и разрушила вековую твердыню, царство мрака, гнета, розги, кандалов и крови».

Еще до указа Временного правительства об амнистии, двери Шлиссельбурга были открыты «волею восставшего народа», — как говорилось в

удостоверениях, выданных бывшим каторжанам, — и все освобождены... Сразу возник вопрос: «как быть с Шлиссельбургом?». Были сторонники немедленного уничтожения, но были сторонники и сохранения его как исторического памятника. Начались дебаты... Вопрос решила телеграмма Керенского: «Сохранить во что бы то ни стало».

«Решили Шлиссельбург упразднить. Зажгли. Долго и медленно горел, на водя по ночам жуткое настроение на всю окружность... Не стало каторжной тюрьмы...»(37).

«Когда, — рассказывает один из рабочих, товарищ Иустина Жука по Шлиссельбургскому заводу, Александр Кузьмич Морозов,— стало известно, что в Петрограде началась революция, рабочие Шлиссельбургского порохового завода устроили митинг, на котором решили немедленно освободить из Шлиссельбургской крепости политических заключенных. Это было 2 марта(38). Лед на Неве стоял крепкий. Рабочие с красными флагами, с пением революционных песен направились в город. Там был вторично устроен митинг совместно с рабочими ситценабивной фабрики. На этом митинге было решено всем в крепость неходить, а отправить туда делегацию из 18-20 человек, в числе которых был и я. Делегация немедленно явилась к начальнику тюрьмы с требованием освободить политических заключенных. Сопротивления никакого не было, и мы в первый же день освободили 67 человек. Одна за другой открывались мрачные двери, выпуская на свободу заключенных узников. Одним из первых вышел из своей камеры т.Жук. Этот человек меня невольно поразил своим видом: исполинского роста, богатырского телосложения, с глазами, в которых сквозила непоколебимая сила воли»(39).

«По освобождении все политические, вместе с рабочими, отправились на пороховой завод, где сразу же начали революционную работу. В этот вечер был создан временный революционный комитет, в который вошел и т. Жук. На заседании комитета в эту же ночь встал вопрос о судьбе всех вообще заключенных в крепости, и т.Жук с присущей ему энергией горячо отстаивал освобождение не только политических, но и уголовных. На следующий день были освобождены все, около 1 000 человек. С этого дня т.Жук ушел с головой в революционную работу на Шлиссельбургском пороховом заводе, и с того же дня он стал любимым товарищем и руководителем рабочих порохового завода. Девизом его было: «больше дела, а меньше слов», и это сквозило во всех его делах. В своих выступлениях он был краток, но зато каждое слово его западало рабочему глубоко в сердце. Для этого человека, казалось, не было невозможного»(40).

Легко себе представить счастье свободолюбивого анархиста, когда, 28 февраля(41) 1917 года, в 2 1/2 часа дня, открылись тяжелые ворота крепости и т.Жук вместе с 62 другими товарищами, бывшими каторжана-

ми-политиками, очутился вне высоких крепостных стен, на широком просторе красавицы-Невы. Жук не был коммунистом, но классовое самосознание было развито в нем до последней степени и заговорило с первого же момента, когда донеслось до него дыхание свободы, разбудившее его пролетарскую сущность. На первом же митинге, на котором выступали освобожденные из каторжного плена шлиссельбургские узники, т.Жук овладел вниманием присутствующих своей речью, звучавшей страстным призывом на защиту революции. Он призывал рабочих записываться в боевую дружину: «Тех, кто дрожит, — говорил он,— за свою шкуру, я прошу не записываться... Не надо строить иллюзий: буржуазия без боя не сдаст своих позиций. Нам придется пролить немало крови, прежде чем мы укрепим за собой политическую власть»(42). Немного поосмотревшись на свободе, т.Жук поехал к себе на родину— отчасти для того, чтобы повидаться со стариками-родителями и сестрой (за это время один из братьев умер в тюрьме, другой же находился на фронте, а затем попал в плен), отчасти же— чтобы посмотреть, как отразилась там революция.

Пробыл на Украине т. Жук недолго, не более двух недель. По-видимому, дальнейшее пребывание там под опекой Национальной Центральной рады, в то время как на севере, в Петрограде, кипела борьба и творилась история, было невтерпеж деятельности, энергичному Жуку, и он вернулся. Получив счастье свободы из рук определенной группы — рабочих Шлиссельбургских пороховых заводов, Жук решился связать свою судьбу с освободившим его заводом, посвятить ему и его населению себя и свой труд. В десятых числах марта 1917 года возобновились работы на заводе после остановки, вызванной революционными событиями. Тотчас по возвращении с Украины, Жук поступил на завод в качестве подручного слесаря(43). Но недолго оставался на своем посту новый подручный. Он сразу обратил на себя общее внимание благодаря своей энергии, железной воле и организаторскому таланту. Он сразу завоевал себе положение, сразу стал необходим заводу и как хозяйственник и как политический руководитель, и ему уже не хватало времени для работы в мастерских. «С первого же дня после освобождения с каторги т. Жук стал политическим руководителем завода. Будучи зачислен в штат, он не работал в мастерской, а взял на себя работу в революционном комитете освобожденных каторжан по отправке и обмундированию последних. В конце 1917 года он уже состоял членом коллегии по управлению заводом»(44). И, не покладая рук, работал т. Жук, измышляя всевозможные способы поднять общее благосостояние поселка. «Работа спорилась в его руках, — рассказывает о нем т. Зиновьев.— В своем родном Шлиссельбурге он делал чудеса. В его крепких, умелых руках всё двигалось как машина — мягко, бесшумно и в то же время уверенно

и правильно. Благодаря его усилиям в Шлиссельбурге при пороховом заводе рабочие поставили выработку винного сахара из древесных опилок. Это было детище Жука. В это дело он вложил свою душу. И как велика была его радость, когда он увидел результат своей работы, когда он смог принести нам первый выделанный сахар! Он радовался как ребенок, мечтая, как ему удастся подобные же сахарные заводы построить по всей России — «всюду, где есть леса»... На таких людях держится пролетарская диктатура. Такие люди — цемент рабоче-крестьянского государства.

В архиве Ленинградского исполнкома имеется записка т. Ленина, из которой видно, что Владимир Ильич относился с большим интересом к проекту Жука о выработке сахара. «Говорят, — пишет т. Ленин, — Жук (убитый) делал сахар из опилок. Правда это? Если правда, надо обязательно найти его помощников, дабы продолжать дело, важность гигантская. Привет. Ленин».

Человек богатырского сложения, великан, Жук в то же время отливался необыкновенной добротой и детской мягкостью характера. В глазах светились ум и воля. Он был как бы олицетворением рабочего класса, подымавшегося на борьбу. Жук не был формально членом нашей партии. Но он был горячим поборником коммунизма и он знал, что наша партия — единственная рабочая партия в мире, которая поставила на очередь борьбу за коммунизм. И он отдал себя в распоряжение нашей партии. И он признал ее суровую дисциплину»(45).

Но, отдаваясь всей душой работе под эгидой советской власти, т. Жук не порывал и со своим анархистским прошлым. Так, войдя в сношения с находившимся где-то в Петрограде, на Петербургской стороне, кажется на Бармалеевой улице, анархистским книжным складом, т. Жук стал принимать чрезвычайно активное участие во всех делах этого склада и работал там, насколько мог и насколько хватало у него времени. Между прочим ему приходилось иногда обращаться туда за деньгами, когда их не хватало для расплаты с рабочими пороховых заводов и там требовалась необходимая времененная поддержка(46).

Работая на заводе и отдавая ему все свои силы и время, т. Жук особенно много обращал внимания на детей. Он стремился всячески улучшить их положение вообще на заводе и в частности в организованном при заводе детском доме, где т. Жук старался дать детям наибольший, возможный для того времени, уют. И детишки чувствовали его теплое к ним отношение и платили ему тем же. Когда пришло тяжелое время и они узнали, что лишились своего любимца, то не было границ их горю. Долго еще потом плакали детишки и спрашивали: «Как же нам теперь быть? К кому же мы теперь пойдем жаловаться, если нас обидят?». Вопросы эти вполне понятны, так как т. Жук был членом правления заводского комитета, он же был комис-

саром продовольствия, словом — он был для завода всем, и все шли к нему за помощью. Уроженец благодатной Украины, с ее прекрасной природой, агроном по образованию, Жук всегда мечтал поехать на родину и заняться там коммунальным сельским хозяйством. «Вот, как только поставим на ноги завод, улучшим квартирные условия рабочих, облагородим внешний вид поселка,— говорил он, — тогда и махну к себе, на Украину!»(46). Но не сбылись мечты т. Жука. Дело революции не ждало, не давало отдыха, а требовало всё новых и новых сил, заставляя забывать о родине и о всем на свете.

«Жук был один из самых замечательных сынов рабочего класса, каких мне довелось встречать за последние два года великой борьбы»(47). «Жук не был членом коммунистической партии, он был анархистом-синдикалистом, но, войдя в круг коммунистов — рабочих Шлиссельбургских пороховых заводов, он работал как самый преданный большевик»(48).

Еще весной 1917 года была организована в Петрограде первая конференция фабрично-заводских комитетов, большинство членов которой оказались сторонниками советской власти. На этой конференции впервые был выдвинут вопрос о передаче всех фабрик и заводов в управление рабочих. Делегированный сюда от Шлиссельбургских пороховых заводов, Иустин Жук был избран в президиум и в комиссию для выработки резолюций. Меньшевистские верхи были напуганы этой конференцией и занятой на ней рабочими позицией. Тов. Жук, как один из крупных рабочих лидеров, привлек к себе внимание меньшевиков, и с этих пор антиропетарская пресса взяла его под обстрел. Не было клеветы, которую затруднилось бы бросить в лицо т. Жуку. Говорили, что он попал на каторгу не как политический, а как уголовный, что он обвинялся в убийстве своей матери и т. п. Словом, была организована целая травля против Жука, что вызвало дружный протест со стороны товарищей.

После этих выпадов т. Жук был вынужден напечатать в газете «Новая жизнь» письмо следующего содержания:

«Письмо в редакцию. Гражданин редактор! В вашей газете от 23 июня напечатано: «Присяжный поверенный Т. заявляет, что, по его сведениям, анархист с дачи Дурново, Жук, подписавший протокол осмотра дачи и принимавший деятельное участие в сношении с властями в качестве представителя анархистской организации, содержался в Шлиссельбургской каторжной тюрьме за убийство отца и матери». Прочитав все это в вашей газете и не зная, кто такой прис.пов. Т., предусмотрительно скрывающий свою фамилию, я самым категорическим образом заявляю, что вышеизложенное обо мне этим господином Т.— чистейшая ложь. Я также считаю необходимым для восстановления истины заявить, что судился я Киевским военно-окружным судом по делам южно-крестьянских анархистских фе-

деративных групп, за что и отбывал каторгу в Шлиссельбургской крепости. Что же касается «убитых» мною моих родителей, то они и до сих пор живут в местечке Городище, Киевской губернии, Черкасского уезда, где редакция может всегда навести о них необходимые справки. Иустин Жук»(49).

В настоящее время отец т. Жука умер, но его мать жива и сейчас (май 1926 г. М. М.), после смерти своего «старика», отца т. Жука, живет в большой нужде на старом месте, наполняя свою жизнь воспоминаниями о своем сыне Иустине.

Со времени указанной конференции партия большевиков особенно укрепилась в Шлиссельбургском уезде. Совет рабочих депутатов еще при Керенском, задолго до Октябрьской революции, был здесь единственной властью. Под руководством этой власти был произведен организованный захват рабочими Шлиссельбургских пороховых заводов имения Щеглово, Рябовской волости. Одним из главных руководителей этого революционного захвата был т. Жук, командированный рабочим коллективом своего завода на станцию Щеглово, в местный совхоз для переговоров с рабочими совхоза о передаче его в ведение Шлиссельбургских пороховых заводов. Две пролетарские организации, конечно, скоро поняли друг друга и пришли к соглашению, но Керенского пугала столь усилившаяся власть. Буржуазная печать того времени раздувала иискажала события, происходившие в «Шлиссельбургской республике». Из Петрограда по предписанию главы Временного правительства Керенского едет комиссия во главе с самим Чхеидзе для ознакомления с положением дел на месте. Комиссия убеждается, насколько незыблемо прочна власть Советов на Шлиссельбургских пороховых заводах. Приезжал туда и целый ряд других комиссий(50).

Когда на конференции был затронут вопрос о передаче рабочим фабрик и заводов, то «не было более пламенного сторонника этой меры, как т. Жук. В своем Шлиссельбурге он давно уже сумел всё взять в свои руки. Шлиссельбургские рабочие, не самые передовые по своему развитию, шли в первых рядах, вдохновляемые всё время их признанным вожаком и любимцем — Жуком... Для шлиссельбургских рабочих Жук был всё: их политический вождь, руководитель их хозяйства, их продовольственный комиссар, организатор их отрядов»(51). «Что касается влияния Жука на заводе, — сообщают тт. фабзавкомцы Порохового завода, — то таковое он имел неограниченное среди рабочих и служащих и всего населения завода»(52). Шлиссельбургский пороховой завод был в полном ходу до начала января 1918 г., когда сильно уменьшились военные заказы и завод сократил свое производство на 75%. Но запасы пороха, пироксилиновых шашек, динамиита и других взрывчатых веществ были на складах завода очень велики, и при наступлении октябрьских дней военная администрация решила ликвидировать временно завод, распределив име-

ющиеся там взрывчатые вещества в целях вооружения рабочих. Ликвидация была поручена Жуку, который раньше всего настоял на уничтожении имевшегося на заводе в громадном количестве винного спирта. Затем около 1 500 пудов пороха, большое количество динамита и других сильно взрывчатых веществ было вывезено в Ленинград, в Смольный, и оттуда распределено между заводами, которые уже от себя снабжали своих рабочих, причем пироксилиновые и грубинтовые шашки должны были заменять бомбы, когда настали горячие октябрьские события(53). И перемещение всех этих опасных грузов производилось под неотступным наблюдением т. Жука.

Тов. И. М. Гордиенко, помогавший И. Жуку во время распределения этих опасных, но необходимых для военного времени материалов (а описываемый момент безусловно заслуживает названия военного времени), рассказывает о том, как был счастлив т. Жук, снабдив своевременно Выборгский рабочий район динамитом и пироксилиновыми шашками, как он был обрадован, увидев, что наконец-то, после скучных переговоров со струсившими меньшевиками, он попал к настоящим людям, проникнутым чисто пролетарским, рабочим духом, относящимся к делу революции как к своему собственному, личному, родному делу:

«Много яркого, неожиданного среди своей повседневной работы переживал Исполнительный комитет Выборгского районного совета в первые дни революции. Помню, прибежал как-то из заседания райпарктко-ма в райсовет секретарь последнего т. Каюров в самом жизнерадостном настроении. Позвал меня и председателя исполкома т. Куклина и отре-комендовал нам пришедшего с ним большого, сажень в плечах, детину: «Жук, рабочий из Шлиссельбурга, бывший матрос, каторжанин, революцией освобожденный из тюрьмы». Я заинтересовался широкоплечим рабочим, имеющим такой длинный титул, и с любопытством стал рассматривать его. С не меньшим любопытством рассматривал его и т. Куклин, а Жук тем временем присел к большому столу, облокотился на него и начал нам рассказывать:

«Нагрузил я в Шлиссельбурге баржу с пироксилиновыми шашками, прицепился к катеру и причалил к набережной около Смольного. Ввалился в кабинет председателя Петербургского совета Чхеидзе и говорю ему: «Так мол и так, привез я тебе, дружище, баржу пироксилина, да еще на придачу 400 человек, вооруженных винтовками».

«Да ты что, — говорит он,— с ума сошел? Взорвать может». Меня этакий прием председателя Петербургского совета взбесил.

«Конечно, может взорвать, — говорю я ему: — искру только покажи, так твой Смольный, а с ним и пол-Питера на небеса к господу богу взлетят». Чхеидзе замахал руками:

«Не надо, не надо нам твоих шашек!».

«Как не надо?— говорю я ему: — Корнилов наступает». А он орет:

«Не надо, не надо, увози ты их»...

«Куда?» — спрашиваю я его.

«Куда хочешь, только подальше. Нельзя же из-за твоей прихоти подвергать опасности жителей столицы. Вези ты их в открытое море и пусти там баржу ко дну».

«Это шашки-пироксилиники-то — ко дну! Ну, нет, шалишь», — думаю я: — ко дну я их не пущу и разговаривать с тобой больше не стану.

«Выскакиваю из его кабинета, туда-сюда по длинным мрачным коридорам Смольного, наталкиваюсь на ребят.

«Ты, — говорят они мне, — на Выборгскую сторону вези!»

— «А там возьмут?» — спрашиваю. — «Возьмут, да еще и спасибо скажут».

«Вот я к вашей набережной и причалил», — закончил Жук и вопросительным взглядом прощупал нас.

«Я людей с баржи снял и в Московские казармы направил,— добавляет к словам Жука т. Каюров: — а вот теперь надо подумать, что нам делать с пироксилиниками? Не отправлять же их обратно в Шлиссельбург, а в пороховые погреба и склады отправлять тоже не сподручно».

Посудили, порядили мы и решили баржу разгрузить и разместить пироксилиники по заводам.

Всю ночь работали на барже посланные туда заводскими комитетами ребята. Всю ночь развозили их по заводам грузовики, а на рассвете снова пришел в райисполком т. Жук.

— Ну, что? — спрашивает его Каюров. Жук вместо ответа вывернул карманы своих широких брюк и, улыбаясь во все широкое скуластое лицо, показал их Каюрову.

— Пусто? — спросил тот.

— Вот так и на барже. Ваши ребята, точно муравьи, растаскали пироксилиники. Может быть, вам еще надо? Я привезу. А то можно и динамиту.

— Привози.

— Вот спасибо, а я уж думал, что на свете нет настоящих революционеров и остались одни мокрицы. Начал было жалеть те годы, что в каторге провел, а теперь вижу — ошибся. Жить можно, да и работать есть для чего. Спасибо...

— Спасибо тебе за подарок, — ответил ему Каюров. Жук пожал нам руки, покликнул крепко, дружески, рассказал, как там у них ребята изобрели способ из дре-весных опилок сахар добывать. Рассказал еще кое-какие новости из жизни в деятельности рабочих города Шлиссельбурга. На прощанье еще раз бросил:

— Если что, так вы передайте. Пироксилину и динамиту надо будет — я привезу.

— Ладно, — ответил ему Каюров.

И бодрым, уверенным, что революция победит, ушел от нас т. Жук, а Чхеидзе и друзья его по партии узнали, что Выборгский районный совет принял от Жука пироксилиники, загрузил ими заводы, и всполошились. Всполошили и нашу большевистскую фракцию Петербургского совета и Петербургский комитет большевистской партии. Те послали к нам в район для расследования дела о пироксилиниках т. Рязанова. Пришлось райсовету уступить настойчивым требованиям т. Рязанова и переправить пироксилиники с заводов в пороховые погреба и склады. Но рабочие отдавали их из рук своих неохотно — прятали, зарывали в землю, и я уверен, что кое-где они до сегодняшнего дня находятся там. Но Смольному было сообщено, что заводы очищены от пироксилина, и он успокоился. Жука же я больше не встречал», — заканчивает свой рассказ т. Гордиенко. Так как т. Жук держал тесную связь с большевиками, то он был хорошо осведомлен о политической ситуации момента. Поэтому он предвидел могущие наступить военные осложнения, и уже с мая 1917 г. им было организовано обучение рабочих военному делу(54). Был введен такой распорядок трудового дня: 6 часов работы на заводе, а весь остальной день — военная учеба. Благодаря этому, в памятные всем октябрьские дни пошел на завоевание пролетарской революции весь завод как один человек, поручив охрану заводского имущества женщинам и выдвинув хорошо обученные отряды, в количестве человек пятисот, которые, идя под руководством т. Жука, проявили себя деятельными защитниками рабочего дела. Участники этих событий вспоминают отдельные эпизоды этой борьбы. Так, однажды собранный в Смольном рабочий отряд, узнав, что под Красным Селом сосредоточились силы Керенского, пешком двинулся туда. По дороге получилось известие, что Керенский сдался и рабочий отряд может считать себя свободным до нового задания. Немедленно явился отряд в Смольный и был встречен сообщением, что задание уже готово. Необходимо было экстренно выбить из их убежищ юнкеров двух военных училищ, укрепившихся в своих школах. При помощи отряда матросов, понесшего при этом большие потери, задание было выполнено, и шлиссельбуржцы-рабочие возвратились на завод с боевыми трофеями: тут были два-три грузовых автомобиля, около 300 винтовок, около 10 пулеметов, 3 шестидюймовых орудия(55).

Затем, когда при нападении Юденича Петроград оказался под угрозой нашествия врага и Петросовет был вынужден обратиться ко всем рабочим и крестьянам с просьбой о защите революции и населения, рабочие Шлиссельбургских пороховых заводов одни из первых смогли ответить на призыв, сорганизовав немедленно прекрасно обученный батальон со своим командным составом и своим вооружением — винтовками, пулеметами и пушками, чтобы дать надлежащий отпор

зарвавшемуся врагу. После октябрьских дней т. Жук еще больше погрузился в работу, и не было такой области работы, где бы он не руководил ею; и везде успевал — личной жизни для него не существовало.

1918-й год. Начало голода, и т. Жук старается достать лишний вагон хлеба для рабочих. «Помню такой случай. Январь месяц. Колossalные снежные заносы, движение по Ириновской железной дороге прекращено. На заводе массовое сокращение; денег нет, нет хлеба. Тов. Жук выходит из положения. Достает хлеб в Питере, достает деньги, чтобы подвезти хлеб, призывает рабочих очистить с железнодорожного пути снег. Рабочие пошли за своим вождем, и в течение дня все полотно на протяжении 39 верст было очищено, и хлеб был подвезен. За весь этот период мне пришлось работать под его руководством в различных организациях, и всегда я восхищался его организаторскими способностями»(56).

Во времена Юденича т. Жука уже не было на заводе. Как агронома и хозяйственника-организатора, его постоянно тянуло к земле, к культурной работе среди крестьянства. Всей душой рвался он на работу по восстановлению нашего разоренного войною хозяйства, но пролетарская революция призвала его под ружье. В июне 1918 г. Украина находилась в очень тяжелых условиях. С одной стороны, извне, она была оккупирована немцами, стремившимися, конечно, возможно полнее использовать временно оказавшуюся в их владении богатую, хлебородную страну. С другой стороны, внутри, на ней отражалась борьба между слабевшей гетманской властью и элементами, чувствовавшими в себе силу, способную оттеснить гетмана. Среди населения также не могло быть единодушия: беднота ходила с красными флагами и, как к свету, тянулась к советской власти; кулаки ждали помощи от Петлюры, средняя масса была индифферентна и нуждалась в самоопределении. Вот сюда-то и направились мысли Жука. Украина была полна революционного пыла, но нужно было повлиять на массы, оттеснить Петлюру, сбить с позиции гетмана, направить в правильное русло течение народной жизни и мысли, создать советский центр, привлечь в этом направлении активные силы. Как природный организатор и агитатор, как выходец из Украины, знающий местную жизнь и местное население, т. Жук как нельзя больше подходил для этой работы. И он взялся за нее. И, по обыкновению, отдался ей целиком, не щадя ни своего времени, ни здоровья, ни жизни, и в отплату за это, конечно, получил ненависть как русских, так и немецких жандармов. Войдя в соглашение с представителями советской власти в Петрограде, заехав в Москву и получив оттуда необходимые директивы для своей будущей работы, он снесся письменно с несколькими своими единомышленниками-товарищами, и пригласил их присоединиться к нему. Затем он

выехал в Курск где в то время был центральный повстанческий комитет, находящийся в ведении местной Курской парторганизации; скоро приехали сюда его 6 товарищей, и все семеро выехали на Украину. Здесь дальнейшая их работа протекала под руководством повстанческого комитета, действовавшего всё время в тесном контакте с советской властью РСФСР.

«С июня по сентябрь 1918 г. мне пришлось с ним работать конспиративно на Украине, особенно в районе Киевщины. Тов. Жук среди крестьянства был также вождем и руководителем. Всегда ласковый, добрый, но вместе с тем настойчивый, он невольно привлекал на свою сторону каждого, крестьяне его боготворили. Область работы у нас с ним была самая разнообразная: 1) призыв крестьян к вооруженному восстанию против немцев и Скоропадского, 2) организация повстанческих отрядов, 3) внедрение среди крестьянства идеи советской власти, 4) распространение среди крестьянства революционной литературы, перевозка ее через границу, 5) организация взрывов военных штабов (в частности взрыв гарнизонного штаба в Харькове) и т. д. Я не знаю, когда этот человек даже спал: всегда он был по горло загружен работой, вечно занят. На Украине мы с ним вели кочевой образ жизни, ибо чувствовать себя спокойно было нельзя. У каждого охранника была мечта поймать т. Жука и за него получить награду, а, главное, уничтожить работу, от которой им приходилось солено»(57).

В Харькове т. Морозов был арестован с паспортом на имя Морякова, сфабрикованным тем же т. Жуком. Его здесь продержали 10-12 дней. Первым делом ему показали карточку т. Жука и требовали откровенных показаний о его личности, намерениях и деятельности. Тов. Морозов, разумеется, отказался давать такие сведения, вследствие чего был подвергнут разного рода пыткам, угрозам, лишению воды при усиленном кормлении селедками и т. п.

Арест т. Морозова произошел при следующих условиях. Выехавшие в Курск в количестве 7 человек шлиссельбургские рабочие затем разделились на пары. Товарищи Жук и Морозов направились в район станции Знаменка. Затем они снова доехали до Курска, откуда, с присоединившейся к ним другой народ — тт. Николаевым и Рекстом, двинулись за границу, на Украину. На станции Белянихи пришлось принимать известные меры предосторожности, так как было замечено появление двух шпиков, из которых один, немец, называл себя поручиком армии, но не имел установленной формы. Вскоре он исчез, по-видимому, был арестован. Другой же продолжал сопровождать наших путешественников. Проехав некоторое время на лошадях, в повозках, обе пары пересели в вагон, но оказалось, что шпик очутился в том же вагоне. Тогда т. Морозов, которого шпик узнал и поздоровался с ним, спасая положение и своих товарищей, успел шепнуть им: «спасайтесь». Таким образом на этот раз все уцелели, но, очевидно, шпик

запомнил Морозова. И вот однажды, в конце сентября, когда в процессе работы тт. Жуку и Морозову пришлось быть на станции Хвостово, Киево-воронежской железной дороги, верстах в 50 от узловой станции Знаменка, первый из них, оставшись в Хвостове, командировал Морозова с секретным поручением в Курск. Здесь т. Морозов задержался дня на четыре в распоряжении уполномоченного, после чего пустился в обратный путь, но, доехав до Харькова, был задержан. Доведя т. Морозова до полного изнеможения, до нервного расстройства, отняв у него все вещи и документы, его отправили под конвоем из шести солдат в Белгород, где сдали коменданту города. Через день его посадили в служебный вагон железной дороги, привезли на станцию Гостиница, где была пограничная зона. Здесь его выпустили, вывели на тракт и дали пропуск на станцию Беленихино, куда он шел пешком в течение 12 часов. Все эти приключения, пытки и путешествия совершенно расстроили его здоровье и дают себя знать и по настоящее время.

«После всяческих пыток я, совершенно больной, недели через 3 был освобожден, но уже работу продолжать был не в состоянии и вынужден был вернуться на Шлиссельбургский пороховой завод. Снова встретился с т. Жуком я на заводе в ноябре месяце того же года, по его приезде на завод, и первой его фразой было: «Ну, как, приятель, выдержал крещение?» По приезде на завод он сразу же принялся за разработку проекта выработки искусственного сахара из древесных опилок, но этой работы закончить ему не удалось, и впоследствии выработка искусственного сахара не осуществилась по причине его смерти. В начале 1919 года я был мобилизован на Северный фронт и, в качестве военного комиссара, был направлен в 15-й военно-строительный отряд 6-й армии, и мне с т. Жуком увидеться больше не удалось.

Весть о его убийстве на Карельском участке белыми бандами я узнал из статьи т. Зиновьева в «Петроградской правде». Свои воспоминания мне хочется закончить словами, которые более чем к кому-либо подходит к т. Жуку: «Много работал, но мало пожил»(57).

6. Смерть за революцию!

По возвращении в Петербург т. Жук вначале снова отдался заботам о своем заводе, причем в это время он женился на обитательнице того же завода. Весной 1919 г. состоялась передача Щегловского совхоза, что вскоре помогло заводу выйти из очень затруднительного положения. Кольцо гражданской войны все теснее и теснее охватывало Петроград и несло вместе с тем призрак ужасного голода, который к лету 1919 г. надвинулся и на Шлиссельбург. Положение было очень тяжелое. Приходилось до

минимума сокращать хлебный паек. Но тут как раз подоспела жатва ржи, созревшей на полях Щегловского совхоза, и Жук сумел поставить дело так, что паек шлиссельбургских женщин и детей не был сокращен. Детишки заводские были спасены. Пришла и осень 1919 года. Петроград со всех сторон был окружен врагами. Фронт всё удлинялся. Одним из наиболее опасных пунктов был Карельский участок. Жуку пришлось заняться военными делами и в течение 4-5 месяцев оставаться в Озерках—Шувалове, где находился штаб военного сектора, и нести обязанности члена военного совета Карельского участка. Но и там, в пылу, сражений, Жука беспокоила судьба оставшихся на пороховом заводе женщин и детей.

«Вызвав по петроградскому проводу т. Камышева, он наскоро задает ему несколько тревожных вопросов: «Как с продовольствием? На сколько дней хватит хлеба? Какие продукты выдаете детям? Завтра же, — говорит он, — пошли в Самарскую губернию; если нет денег, займи на заводе, закупайте всё, что попадется: картофель, капусту и т. д. Как только покончим, — добавляет он, — с этой сволочью (с Юденичем), я схлопочу для детей овощей, наряды мне уже обещали выдать».

Гром орудий под Петроградом, в 7-ми верстах смерть и разрушение и... заботы о питании населения завода, заботы о детях рабочих!..»(58).

С большой любовью т. Жук проводил подготовку своего завода к тому моменту, когда должна была потребоваться его фактическая помощь при встрече с нападающими на красный Петроград белыми бандами. Но самому ему, благодаря уходу на Карельский фронт, пришлось принять лишь косвенное участие в героических выступлениях своего родного заводского батальона. Рано утром 17 октября участники похода погрузились в Шлиссельбурге на пассажирский пароход, и утром в 11 часов батальон находился в Смольном, где и был размещен в Актовом зале. Там было раздано всем участникам похода обмундирование и продовольствие. В этот же день, вечером, в 6-7 часов прибыл в Смольный т. Троцкий, обратившийся к шлиссельбуржцам с напутственным словом. Послеречит т. Троцкого с приветствием к батальону обратился член военного совета Карельского сектора т. Жук Иустин, пожелавший батальону успеха.

Но т. Жук так и не выполнил своего обещания, не схлопотал нарядов на овощи для детей...

И так и не узнал т. Жук, что при наступлении Юденича много рабочих семей, а между ними и его молодая жена с крохотной девочкой в спешном порядке мобилизуются в Курск, откуда уже не возвратилась дочурка, найдя себе вечный покой на курском кладбище.

«Через несколько дней на завод, в наскоро сколоченном сосновом гробу, доставили его тело»(59). Вот прекрасное, трогательное описание послед-

них часов жизни т. Жука, составленное очевидцем этого печального события т. Хроповым-Мурманским:

«Стоял октябрь тысяча девятьсот девятнадцатого года. Колыбель великой российской революции — красный Петроград — переживал тревожные дни: приспешник мировой и отечественной реакции, царский генерал Юденич, подступал к стенам великого города. Специальное возвзвание к гарнизону и питерским рабочим т. Ленина влило в их сердца новый источник энергии, самоотверженности и самопожертвования... Было решено — Питера не отдавать...

Невзирая на всё, в этот решающий судьбы Питера исторический момент, благодаря энергии и геройству Иустина Жука, мы, оборонявшие северные подступы, славно вышли из создавшегося положения. Тов. Жук состоял в то время членом военного совета Карельского укрепленного сектора. Не будучи членом нашей коммунистической партии, принадлежа к группе анархо-синдикалистов, он работал как настоящий преданнейший большевик.

Сильный, могучий физически и духовно, полный радужного оптимизма, с твердым характером и железной волей, выработавшейся в процессе подпольной деятельности и продолжительной отсидки в казематах Шлиссельбургской крепости, он фактически взял в свои руки всю оборону перешейка. Как великолепный организатор и исключительной энергии человек, он прежде всего быстро восстановил связь по всему фронту, привел в боевой порядок N-ский железнодорожный батальон и вместе с ним, в тот же день вечером, отбыл туда, где решалась судьба многих, в том числе и его самого, чтобы своим личным примером воодушевлять вверенных ему бойцов.

Никогда не забыть последних часов жизни любимого товарища и друга. Сколько уверенности, самоотверженности и ненависти к своим классовым врагам в эти моменты светилось в его прекрасных, умных глазах, сколько несокрушимой мощи и энергии чувствовалось в его исполинской фигуре, в каждом мускуле его правильного, высеченного как из мрамора лица...

Во имя светлой памяти о нем хочется запечатлеть ту обстановку, в которой он пребывал в предсмертные минуты. Острое перо будущего пролетарского писателя в совершенных формах своего творчества изобразит всё, что касается этой незаурядной личности, нам же, его современникам, как очевидцам совершенного им революционного подвига, необходимо в реальном изложении зафиксировать то, чему мы были живыми свидетелями...

В 18 часов 23 октября наш эшелон отбыл с Финляндского вокзала. По прибытии в Токсово было уже совершенно темно. На станции происходила погрузка в санитарные вагоны раненых для направления в Петроград.

Осведомившись по приезде об охране позиций и, убедившись, что всё в порядке, и что бандиты занимают линию Керо-Лемболово, т.

Жук собрал совещание всех командиров наших отрядов для выработки дальнейшего оперативного плана. Решили, что если противник в течение ночи и предстоящего дня не проявит активности, к вечеру 24-го мы возьмем в свои руки инициативу и поведем наступление.

Ночь прошла спокойно. Часов в 10 утра началась перестрелка: из ближайшего леса бандиты обстреливали Куйвозовские высоты. Наши пулеметы отвечали врагу, рассеивая по опушке леса тысячи пуль... Перестрелка продолжалась не более получаса: первые замолчали белоингерманландцы. Необходимо было организовать разведку. Кому же пойти? Желающих нашлось много. Тогда т. Жук сам выбрал группу красноармейцев-коммунаров и лично повел разведку. Она нащупала все места расположения противника и установила, что мы находимся в полукольце... Прибытие этого эшелона на станции вызвало естественное оживление. Бандиты, воспользовавшись этим,сыпали градом свинца как самую станцию, так и поездной состав. Отданное распоряжение — выйти из вагонов и одновременно сразу рассыпаться по склону горы — на новичков не имело никакого действия: как стадо, все жались в кучу один к другому. Противник же все больше и больше наглел. Наконец кое-как, почти поодиночке, удалось вывести всех из вагонов и каждого в отдельности поставить на свое место.

Неутомимый т. Жук везде и повсюду сам был налицо, отдавал распоряжения под неприятельскими пулями, своим бесстрашием и показательным примером заражал многих, его окружавших, заставлял смеяться в лицо ежеминутно смотревшей на нас смерти.

Пробил час выступления... Отряды построены колоннами. По внешнему виду у всех бодрое, не озабоченное ничем настроение. Бойцы твердо зашагали вперед к цели, осуществление которой составляло их первую и общую задачу. Штаб боевого участка, во главе с т. Жуком, находился на станционной платформе, напутственно провожая уходивших...

Вот колонна уже дошла до того условного места, откуда она должна была двигаться дальше цепью... Вдруг раздалась оглушительная ураганная трескотня с двух сторон. В передовой части колонны началось замешательство, несколько человек попадало замертво на землю, поднялась паника, в результате чего вся колонна опрокинулась назад, поражаемая метким огнем врага.

Все, кто был с т. Жуком на платформе, раскинулись цепочкой, чтобы приостановить бегство и водворить порядок. Но паника оказалась настолько сильна, что люди, не замечая нашей цепи, смяли ее, кто как мог бежал, оставляя за собою убитых и раненых, бежали незнайдя куда. Положение создавалось отчаянное. Стоявший рядом с нами т. Жук с обнаженным мавзером в руке, вопросительно всматриваясь, изучая и анализируя творившееся вокруг, одновременно с какой-то мучительной скорбью смотрел на окружающих.

Но такое состояние он переживал одно лишь мгновение: вслед за этим он сразу нашел самого себя, приказал немедленно приготовить бронелетучку к бою, чтобы создать среди бегущих настроение того, что не все еще потеряно, и вывести их из состояния панического страха. А пули беспрестанно, как рой ос, летали вокруг нас, напевая свою назойливую монотонную песенку. И только он успел отдать последнее распоряжение, как неожиданно для всех повалился на землю, не испустив ни единого стона: вражеская пуля насквозь пробила золотое сердце славного героя; вместе с этим перестала работать и мысль искреннего революционера. Смерть т. Жука вызвала среди нас некоторую растерянность, но все быстро ориентировались в том, что нужно делать: подобрав на паровоз еще теплый труп его, сами засев в бронелетучку, двинулись по направлению к густым цепям перебегавшего через полотно железной дороги противника и открыли по нему огонь. Создался тот эффект, о котором говорил за мгновение до смерти т. Жук: поединок бронелетучки с белоингерманландцами отрезвил бегущих красноармейцев; они не распылились по лесу, в одиночку, а, как бы по сигналу, инстинктивно группами стали стекаться к станции Пери, и через час мы уже вновь располагали тремя четвертями первоначального боевого состава.

Сообщение о героической гибели т. Жука, как гром, поразило многих бойцов. Еще развшенная красноармейцам ответственность и призыв о сознании ими величайшей важности того момента, который переживал красный Петроград, и последствий того, если мы, защищающие его подступы с севера, окажемся не на высоте своего положения, сделали свое дело: несмотря на то, что в большинстве состав наших отрядов впервые слышал свист пуль и трескотню ружейных залпов и пулеметов, все как один дали торжественную клятву победить или умереть. И в этом священном порыве, не знающем границ и пределов, по первой команде наши красноармейцы, как львы, ринулись в бой — и победили...

В ту же ночь мы восстановили свое прежнее положение и, никем и ничем не могущие быть остановленными, гнали перед собой неприятеля к границе Финляндии, очищая от белогвардейцев-бандитов родную советскую землю. А тем временем, в тот же день, питерские рабочие стремительным ударом вырвали из рук хищного генерала Юденича Детское Село и Павловск и развивали свое победоносное контрнаступление, преследуя по пятам панически настроенного неприятеля, убегающего от поражающего огня и меча революционного питерского пролетария.

Таков был конец этой авантюры царского генерала и его приспешников. Много лучших борцов погибло на полях сражений в эти тревожные дни. Память о них будет сохранена вечно в наших сердцах, передаваясь из поколения в поколение. Имена их всем известны: Григорьев, Чекалов, Мазин и один

из них, самый светлый, героический, самоотверженнейший — Иустин Жук. 27 октября весь пролетарский Шлиссельбург отдавал последнее прости своему товарищу и вождю, до призыва на фронт так много потрудившемуся по организации жизни и быта рабочих Шлиссельбургского порохового завода. День был пасмурный. Но, независимо от этого, все улицы порохового городка были запруженны народом: взрослые, юноши, дети и старики — все провожали останки т. Жука. Бесчисленное множество плакатов и красных знамен заполняло организованную процессию, музыка беспрестанно играла похоронный марш. До позднего вечера раздавались жгучие речи, выявлявшие все заслуги т. Жука перед революцией, советской властью и, в частности, перед шлиссельбургскими пролетариями. Десятки венков благодарные и верные заветам своего бывшего руководителя шлиссельбургские, трудящиеся возложили на могилу безвременно сраженного вражеской пулей. Его боевые заслуги тогда же были отмечены Революционным военным советом: на свежую могилу борца было положено боевое Красное знамя — эмблема мировой социальной революции, за торжество которой он боролся и погиб. Всю ночь шлиссельбуржцы провели в воспоминаниях о жизни и деятельности этой светлой личности, вышедшей из их же собственных рядов. Только наступивший новый день заставил их разойтись с тем, чтобы, не отдохшая, приняться вновь за работу, на оборону Советской республики.

С пением революционных гимнов направлялись группы рабочих по разным корпусам завода»(60).

«Смертью на красном фронте завершилась славная жизнь одного из самых чистых и преданных работников пролетарской революции. В политическом отношении расходясь несколько с коммунистами, т. Жук все же оставался все время самым деятельным работником»(61).

После смерти т. Жука в газетах того времени появились печальные заметки, посвященные «другу, вождю и товарищу». Когда же утихло первое горе утраты и несколько отошли в сторону волнения и заботы гражданской войны, группа оставшихся в живых солдат пролетарской армии, членов бывшего Шлиссельбургского рабочего батальона издала сборник воспоминаний под названием «Вместо венка на могилу павших». Сборник этот и лег в основу материалов настоящей заметки, так как одним из этих павших был т. Жук, который «как бы олицетворял собою всю стальную, несокрушимую энергию рабочего класса»(62).

7. Приложение. Выписка из приговора

Выписка из приговора Киевского военно-окружного суда, состоявшегося 11—16 мая 1909 года по делу о Жуках, Воротило, Савивском, Бондаре, Осадчем, Счастливом, Кравченко, Теребенько, Поноларенко, он же Пономарь, и Калашнике(63).

СПРАВКИ: Приговор вошел в законную силу 20 мая 1909 г.
Военный судья, генерал-майор Манульский.

Выслушав дело, Киевский военно-окружный суд признал подсудимых крестьян Иустина Жука и Ивана Савивского виновными в том, что, войдя в шайку, составившуюся в первых числах ноября 1908 года в пределах Черкасского уезда Киевской губернии, состоящей на положении усиленной охраны, с целью открыто, с оружием в руках напасть на расположенный при м. Городище названного уезда Мариевский свеклосахарный завод Валашевой и насильственно завладеть кассовой выручкой завода, причем шайка эта, с ведома и согласия всех членов шайки, по заранее и совместно выработанному плану, вечером 4 декабря 1908 года, вооружившись заряженными револьверами систем Браунинг и Маузер, направилась кусадьбе завода, а затем:

а) когда один из членов шайки остался на страже в палисаднике близ входа в помещение заводской конторы, Иустин Жук и Иван Савивский, с несколькими другими членами шайки, вошли внутрь помещения конторы, выстрелами из бывших у них револьверов наповал убили находящихся в конторе 3-х стражников ингушей: Точиева, Базаркиева и Доланова, путем угроз лишить жизни принудили всех находящихся в конторе служащих не оказывать им какого-либо противодействия, после чего они открыто, на глазах служащих завода, с целью присвоения, забрали заводскую кассовую выручку в количестве около 11 тысяч рублей и при надлежащие заводу векселя на сумму свыше 30 000 рублей, отобрали у бухгалтера Гембальского и кассира Власьева собственные последних два револьвера, а от Гембальского еще и его 650 руб. денег, взяли также бывшие при вышеупомянутых стражниках 3 казенные винтовки и 2 кинжала, после чего с похищенными деньгами, векселями и оружием скрылись, и
б) остальные члены шайки тогда же ворвались в расположенную в усадьбе завода казарму охранявших завод стражников-ингушей, с умыслом лишить жизни и не дать находящемуся в казарме стражнику Темирзоею возможности воспрепятствовать ограблению кассы, причем в послед-

него был произведен из револьвера системы Браунинг ряд выстрелов в упор, каковыми выстрелами по не зависевшим от стрелявшего обстоятельствам была нанесена лишь тяжелая рана в область паха, после чего напавшие скрылись; из остальных подсудимых суд признал крестьян Кирилла Бондаря и Стефана Воротило виновными в том, что они, сознательно вступив в вышеуказанную шайку, составившуюся с целью насилиственного при помощи оружия завладения деньгами Мариинского свеклосахарного завода, знали о таковой цели шайки, участвовали с прочими членами последней в выработке плана действий при совершении нападения на завод и заранее согласились на оное с Иустином Жуком, Иваном Савицким и прочими членами шайки, но впоследствии: 1) Бондарь добровольно уклонился от участия в означенном нападении, не донеся, однако, о задуманном и готовящемся преступлении подлежащей власти, а

2) Воротило случайно не принимал непосредственного участия в нападении, ограничившись сообщением шайке сведений о сумме денег, хранящихся в заводской кассе, каковое содействие Воротилы не было необходимым.

Крестьян Иоакима Жука и Мину Осадчего суд признал виновными в том, что они, заранее зная о задуманном и готовившемся к совершению преступления вышеописанном и имея возможность довести о том до сведения подлежащей власти или администрации Мариинского свеклосахарного завода, — умышленно не исполнили сей обязанности.

Крестьян Тарака Теребенько и Филиппа Пономаренко суд признал виновными в том, что, не принимая никакого участия в вышеописанном вооруженном открытом нападении на Мариинский свеклосахарный завод, они, лишь после учинения этого нападения, в январе 1909 года, в с. Малой Смелянке, Черкасского уезда, давали у себя убежище крестьянину Иустину Жуку и другому крестьянину, впоследствии убитому, с целью скрытия их отластей, заведомо зная о том, что Иустин Жук и другой крестьянин участвовали в вышеописанном нападении на Мариинский свеклосахарный завод Балашевой и разыскиваются полицией.

Крестьянина Иустина Жука суд, кроме того, признал виновным в том: 1) что в ночь на 22 января 1909 года в с. Малой Смелянке Черкасского уезда, когда прибывшие под начальством станового пристава Любченко в село для поимки Иустина Жука и других, учинивших вышеописанное 4 декабря 1908 г. разбойное нападение на Мариинский свеклосахарный завод, чины полиции потребовали, чтобы их впустили в хату, где находились лица, учинившие нападение, — то Иустин Жук этого требования не исполнил, а затем, с умыслом лишить жизни окруживших усадьбу полицейских стражников и тем воспрепятствовать доступу их

в хату, открыл с своим соучастником из окон последней по чинам полиции беглый огонь из бывших у них револьверов систем Браунинг и Маузер, продолжая эту стрельбу в течение всей ночи, не причинив, однако, оцепившим хату чинам полиции никаких повреждений, по обстоятельствам от воли его, Иустина Жука, и его соучастника не зависевшим, и 2) что в том же январе месяце и в том же селе Малой Смелянке он, Иустин Жук, хранил у себя снаряженные гремучим студнем разрывные гранаты и несколько динамитных патронов с целью воспользоваться ими при разбойных нападениях.

Что же касается тех частей обвинений подсудимых, по которым Кирилл Бондарь, Мина Осадчий и Иоаким Жук принимали непосредственное участие в нападении 4 декабря 1908 г. на Мариинский свеклосахарный завод, Михаил Счастливый и Мина Кравченко состояли членами одной шайки с остальными подсудимыми, — то суд признал их в этом отношении невиновными, по недоказанности приведенных обстоятельств. По обвинениям же крест. Тараса Теребенько и Филиппа Пономаренко в хранении взрывчатых снарядов, без разрешения, с целью, противною общественной безопасности, а также их же, Теребенько, Пономаренко и крестьянина Никиты Калашника, в вооруженном сопротивлении полиции при исполнении ею обязанностей службы, сопровождавшемся покушением на убийство чинов полиции, суд признал Теребенько, Пономаренко и Калашника невиновными, по недоказанности сих обвинений.

На основании 13, 14, 119, 124, 125, 139, 152, 987, 1627 и 1629 ст. Улож. о наказ. угол. и испр., по продолж. 1906 г., 17 и 18 ст. Поплож. о мерах к охранению государственн. порядка и обществ. спокойствия, 10, 12 и 279 ст. XXII СВ.П. 1869 г., изд. 3-го, постановил: 1) крестьян Иустина Жука и Ивана Савивского за разбой, а Иустина Жука, сверх того, и за вооруженное сопротивление полиции при задержании, сопровождавшееся покушением на убийство чинов оной, и хранение взрывчатых снарядов, без разрешения, с целью, противною общественному спокойствию,— по лишении всех прав состояния, в 22—24 ст. Улож. о наказ, указанных, подвергнуть смертной казни через повешение; крестьян: Стефана Воротило — за необходимое пособничество к разбою, Кирилла Бондаря, как сообщника в разбойном нападении, не бывшего на месте преступления, Иоакима Жука и Мину Осадчего — за попустительство разбоя, Тараса Теребенько и Филиппа Нономаренко, — за укрывательство лиц, учинивших разбой, — по лишении всех прав состояния, сослать в каторжные работы: Воротило — на 20 лет, Иоакима Жука, Бондаря и Осадчего — на 10 лет каждого, Теребенько и Пономаренко на 15 лет, с последствиями, определенными в 22 — 25, 27 и 29 ст. Улож. о наказ, угол, и испр.;

2) по обвинениям Иоакима Жука, Мины Осадчего, Михаила Счастливо-го и Мины Кравченко в участии в разбое; Тараса Теребенько и Филиппа Пономаренко — в хранении взрывчатых снарядов, без разрешения, с целью противною общественной безопасности; их же, Теребенько, Пономаренко и Никиты Калашника — в вооруженном сопротивлении полиции при задержании, сопровождавшемся покушением на убийство чинов оной, — признать всех названных подсудимых невиновными, по недоказанности сих обвинений, и, в силу 1 п. 910 ст. той же кн. Св., считать их по означенным обвинениям по суду оправданными, и 3) настоящий приговор, по вступлении в законную силу, но прежде обращения к исполнению, согласно 19 ст. Полож. о мерах к охранению государства, порядка и общественн. спокойствия, представить на утверждение Киевскому, Подольскому и Волынскому генерал-губернатору.

Подлинный за надлежащими подписями.

На подлинном приговоре следующая конфирмация: Приговор суда утверждаю, с заменою смертной казни Иустину Жуку и Ивану Савивскому бессрочной каторгой и с сокращением срока каторжных работ Тарасу Теребеньке и Филиппу Нономаренко до пяти лет, с последствиями по закону, 9 июня 1909 года.

Подписал: Киевский, Подольский и Волынский генерал-губернатор генерал-от-кавалерии Трепов.

С подлинным верно: Военный судья, генерал-майор Манульский.
Сверял: Помощник секретаря коллежский регистратор Лесниченко.

Примечания (сноски приводятся в авторской редакции издания 1927 года)

1. Из статьи Г.Зиновьева в газете «Петроградская правда», № 244, от 20 октября 1919 г.
2. Д.А.Фурманов, Из автобиографии. «Прожектор», № 6/76, от 31 марта 1926 г.
3. Районные агентурные сведения, данные начальнику Киевского губернского жандармского управления 26 марта 1909 г. для отсылки в Департамент полиции.
4. Сборник «Вместо венка на могилу павших», изд. Коллектива РКП(б) Шлиссельбургского порохового завода, 1922 г.
5. Там же.
6. Там же.
7. Также крестьянин села Топильной, Звенигородского уезда, Антон Огиненко, обвинявшийся в агитации среди крестьян и новобранцев и в сношениях с революционерами.
8. Бывшая учительница Юлия Ив. Зеленская, бывшая эсерка
9. Сведения начальника Киевского губернского жандармского управления генерал-майора Леонтьева, от 27 января 1909 г.
10. Дело Главного военно-судного управления Военного министерства № 10/44 за 1910 г.
11. Яков Семенович Селянка. Убит 21 января 1909 г. во время ареста.
12. Макарий Петрович Мирошкин. Убит 4 марта 1909 г.
13. Дело Главного военно-судного управления Военного министерства № 10/44/10 за 1910 г., том 5, часть 3.
14. Сборник «Вместо венка на могилу павших», а также газета «Биржевые ведомости», вечерний выпуск от 13 мая 1903 г., заметка — «Дело анархистов».
15. Н.Черкунов, Провокатор Владислав Феликсович Габель (журнал «Каторга и ссылка», № 1 [22] за 1926 г.).
16. Копия представления прокурора Киевского окружного суда министру юстиции от 30 января 1909 г. за № 1647 (см. дело Департамента полиции за № 467 1909 г.—«О вооруженном сопротивлении 21 января с. г. в селе М. Смелянке Черкасского уезда чинам полиции и войск при задержании разбойничьей шайки»).
17. Сводка агентурных сведений Киевского жандармского управления за

май 1909 г.

- 18.Отношение помощника начальника Киевского губернского жандармского управления за № 450 от 22 февраля 1909 г. (гор. Черкасы).
- 19.Сборник «Вместо венка на могилу павших».
- 20.«Биржевые ведомости», вечерний выпуск от 13 мая 1909 г.
- 21.Дело Департамента полиции № 12, часть 21, лит. А.
- 22.Сводка агентурных сведений за июнь 1909 г., № 1068
- 23.Дело Департамента полиции, № 12, часть 21, лит. А.
- 24.«Памятная записка» (дело Главного военно-судного управления № 10/44 за 1910 г., т. V, часть 3)
- 25.Телеграмма № 075/31 от 24 мая 1909 г. (дело Военного министерства. Главного военно-судного управления, № 1815 за 1909 г. «По всеподданнейшей телеграмме пом. прис. пов. Виленского о даровании жизни бывшему крестьянину Иустину Жуку, осужденному на смертную казнь»).
- 26.Выписка из приговора (дело Военного министерства, Главного военно-судного управления, отд. 4, стол 2, № 1815 за 1909 г.).
- 27.Дело Департамента полиции № 7196 за 1908 г. — «О вооруженном нападении на Мариинский сахарный завод в местечке Городище, Черкасского уезда, с ограблением денег и убийством трех ингушей-стражников»; отношение киевского губернатора от 11 октября 1909 г. за № 4232 в Департамент полиции.
- 28.Из отношения начальника Смоленского губернского жандармского управления за № 45 от марта 1912 г. директору Департамента полиции (по Особ. отд.). См. также журнал «Каторга и ссылка» № 1/22 за 1923 г., статью А. Н. Черкунова, Прокурор Владислав Феликович Габель (из воспоминаний смоленского каторжанина).
- 29.Впоследствии работал в иркутской охранке и после Октябрьской революции был приговорен к расстрелу («Каторга и ссылка», 1925 г., №№ 1/22 и 7/20).
- 30.Л.Мельшин, Галерея шлиссельбургских узников, часть I, изданная в 1907 г.
- 31.В.Градский, Шлиссельбургская каторга (крепость на острове). «Былое», № 25, 1924 г.
- 32.Там же, № 2 (30), 1925 г.
- 33.В.Градский, Шлиссельбургская каторга, «Былое», № 2(30), 1925 г.
- 34.Там же.
- 35.В.Градский, Шлиссельбургская каторга, «Былое», № 2 (30), 1925 г.
- 36.Там же.
- 37.Градский, Шлиссельбургская каторга, «Былое», № 2/30, 1925 г.
- 38.По другим показаниям — 28 февраля 1917 г.

39. Из воспоминаний А.К.Морозова.
40. Из воспоминаний А.К.Морозова.
41. По другим сведениям — 2 марта.
42. Из статьи И.Камышева в сборнике «Вместо венка на могилу павших», Шлиссельбург, 1922 г., изд. Коллектива РКП (б) Шлиссельбургского порохового завода.
- 43.1 марта 1917 г. т. Жук был зачислен подручным слесарем ремонтных мастерских (сведения фабрично-заводского комитета Порохового завода «Красный шлиссельбуржец» имени т. Морозова, от 15 марта 1926 г.).
44. Там же.
45. Зиновьев. Иустин Жук (из газеты «Петроградская правда» от 26 октября 1919 г., № 244).
46. Из воспоминаний жены т.Жука, С.П.Жук.
47. Зиновьев. Иустин Жук (из газеты «Петроградская правда» от 26 октября 1919 г., № 244).
- 48.«Шлиссельбургские известия» за октябрь 1920 г., № 4.
- 49.«Новая жизнь» № 59, от 27 июня (10 июля) 1917 г.
- 50.«Шлиссельбургские известия» от 30 октября 1920 г., № 4.
- 51.Зиновьев, Иустин Жук (из газеты «Петроградская правда», № 244, от 26 октября 1919 г.).
- 52.Сообщение фабрично- заводского комитета порохового завода «Красный шлиссельбуржец» имени т.Морозова от 16 марта 1926 г.
- 53.Из воспоминаний А.К.Морозова.
- 54.Из воспоминаний А.К.Морозова.
- 55.Из воспоминаний А.К.Морозова.
- 56.Из воспоминаний тт.А.К.Морозова, Никитина, И.М.Чекалова и др.
- 57.Из воспоминаний А.К.Морозова.
- 58.Камышев, Иустин Жук (воспоминания), сборник «Вместо венка на могилу павших».
- 59.Из статьи А. Некрасова, см. «Шлиссельбургские известия» от 30 октября 1020 г., № 4.
- 60.«Красная летопись», № 9 за 1924 г., статья И. Хропова-Мурманского, Жертва великой героической борьбы.
- 61.Илья Ионов, Товарищ Жук, сборник «Вместо венка на могилу павших».
- 62.Из статьи А. Некрасова, см. «Шлиссельбургские известия» от 30 октября 1920 г., № 4
- 63.Из дела военного министерства Главного военно-судного управления, отд. 4, стол 2, № 1815 за 1909 г.— «По всеподданнейшей телеграмме помощника прис. пов. Виленского о даровании жизни бывш. крестьянину Иустину Жуку, осужденному к смертной казни», листы 6—7.

<https://www.samoopredelenie.info>